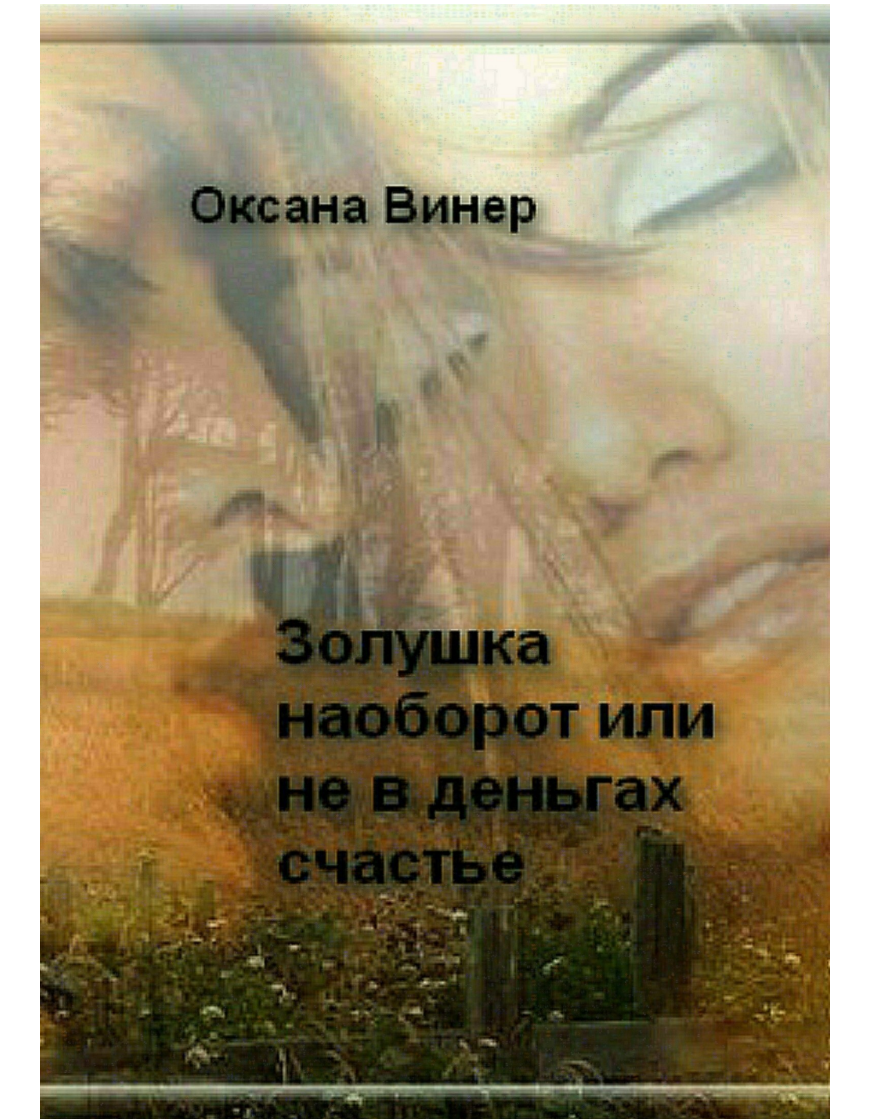

Оксана Винер

**Золушка
наоборот или
не в деньгах
счастье**

Оксана Тарасовна Винер

Золушка наоборот, или

Не в деньгах счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28520528

SelfPub; 2017

Аннотация

Наташа с юных лет грезил о "красивой жизни", волею счастливого случая мечта сбылась – она стала женой олигарха. Однако, вопреки всем ожиданиям, счастья и равновесия девушке все эти блага не принесли. Пытаясь избавиться от душевного смятения, героиня обращается к странной колдунье, и получает еще более странное предсказание: она должна потерять все, чтобы все обрести. В тот же вечер Наташа узнает об измене мужа, в сердцах женщина убегает из дому куда глаза глядят, и попадает в аварию. А приходит в себя в совершенно другом мире, где у нее начинается другая жизнь...

ЗОЛУШКА НАОБОРОТ ИЛИ НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ

– Ниже, Паоло, ниже. Еще. И сильнее, Паоло, сильнее... А теперь нежнее, Паоло, нежнее. И ниже, Паоло, ниже...

Наталья полностью разомлела от сильных, виртуозных рук молодого профессионала, способного дарить своими прикосновениями истинное наслаждение. В приступе блаженства девушка прикрыла глаза, позволив телу полностью расслабиться, а мозгам отключиться от всякой суетности и забот. Она даже тихонечко постанывала от удовольствия, тем самым теща тщеславие Паоло: молодой человек обожал, когда его мастерство оценивали по достоинству. Неожиданный громкий вскрик мобильного резко выдернул Наталью из сладких объятий истомы. Чертыхаясь, и дав знак Паоло остановиться, девушка потянулась за трубкой, и, нажав «вкл.», произнесла заветное «алло».

– Натали, приветик, – пропела трубка чуть писклявым голоском закадычной приятельницы Светочки. – Ну, как продвигается подготовка к событию века?

– Светик, ты только что безжалостно вырвала меня из объятий Паоло, – вместо ответа по существу укорила подруге Наталья-Натали. – Прервала, что называется, на самом интересном месте.

– Ой, прости, прости, не знала, Паоло – это несомненно что-то с чем-то, – мечтательно пролепетала Светлана, и тут же задала свой извечный каверзный вопрос: – Нет, ты все таки признайся, у тебя правда с ним ничего нет?

– Светуль, сотый раз тебе повторяю: во-первых, он... – Наталья втихаря покосилась на объект обсуждения, который, воспользовавшись непредусмотренной паузой, решил, очевидно, навести порядок среди несметного числа своих чудотворных мазей, кремов, лосьонов, и прочих приспособлений, выстроившихся в «творческом беспорядке» на столике у трюмо в правом углу, и, понизив голос, прошипела: – во-первых, и в самых главных, напоминаю тебе, дорогуша, что Паоло – гей...

– Ну, это еще окончательно не доказано, – вступилась подруга за юношу, – может, он бисексуал, то бишь, может как с мальчиками, так и с девочками. А значит...

– Светлана! – возмутилась Наталья. – Я еще не настолько сексуально распущенна, дабы заниматься подобными вещами. И вообще, не забывай, что я замужем. И у нас, между прочем, завтра какой-никакой юбилей: пять лет совместной жизни.

– Да помню я, помню, – отмахнулась подружка. – Того, к стати, и звоню – уточнить, как там, все готово к пиршеству? Ресторан, кушанья, гости, муж?

– Муж то, я надеюсь, готов – готовее некуда, чего нельзя сказать обо мне. – Наталья удрученно вздохнула. – Прическа

не подобрана, наряд тем более, и даже массаж не дают спокойно сделать.

– Все, все, намек понят – отваливаю, – поспешила ретироваться Светлана – встретимся завтра вечером, на вашей с Борюсиком свадьбе.

– Какой еще свадьбе? – не поняла Наталья.

– Ну, какая там на пятилетие бывает свадьба? Деревянная? Стеклянная? Марлевая – не помню, – захихикала подруга, и отсоединилась.

– Во балаболка, – фыркнула себе под нос Натали, затем в полный голос позвала Паоло – самого лучшего и самого дорогого массажиста для «рублевских жен»: – Продолжай, Паоло, и теперь давай повыше да посильнее.

Это почетное «звание» – рублевская жена, Наталья с удовольствием и гордостью носила уже ровно пять лет. Её муж, известный, многоуважаемый в Москве, и не только, бизнесмен – банкир Борис Борзов, стабильно входил в двадчатку самых богатых и влиятельных людей России, что позволяло девушке вести совершенно беззаботную, практически райскую жизнь. Грубо говоря, Наталья всегда имела что хотела, сколько хотела, и когда хотела, не ведая никаких лишений или ограничений. Одним словом, не жизнь – малина. Только беда в том, что последнее время девушка все чаще не могла определиться, чего ж ей на самом деле хочется-то. Чего б еще такого попробовать, чем таким себя занять, побаловать, удивить, чего раньше не доводилось испытывать?

Ведь бутики все обхожены, курорты заморские самые помпезные – объезжены, самые эксклюзивные вещи изношены, элитнейшие салоны красоты не вдохновляют, продвинутые, модные выставки, спектакли, аукционы, и прочие скопления «элиты» – не впечатляют, в общем – все как-то приелось, что ли, даже стало навевать тоску. Короче, как ни странно, невероятно и нелепо это может прозвучать, но похоже райской жизнью «рублевская жена» начала перенасыщаться. По большому счету то, о чем Наталья возжеленно грезила с юных лет, к чему так стремилась, и чего таки в результате достигла, через каких-то там пять лет стало причиной для непонятных переживаний.

Не то, чтобы девушка разлюбила «сытую жизнь», и возжелала вернуться обратно к потребительскому существованию на бюджетную зарплату, отнюдь, просто... Когда больше не к чему стремиться, когда ты достиг высшей точки своего Эвереста, самого пика, и больше не за чем, некуда, и не для чего «карабкаться», а сидеть на месте, почивая на лаврах, оказывается, столь скучно, тогда волей неволей в душе рождается смятение. Уже не совсем понимаешь, ради чего с утра продаешь глаза на встречу новому дню, ради чего ешь, пьешь, что-то делаешь... Теряется смысл жизни, одним словом.

И вот однажды, в очередной из приступов хандры, Наталья вдруг решила, что для обретения, возобновления этого самого смысла, самое время завести ребеночка, который до этого у них как-то все никак «не получался». Об этом де-

вушка и заявила при случае супругу, на что Борис сдержанно отмахнулся, что «не готов пока еще к столь ответственно-му шагу», и предложил Наталье обождать с потомством. Ну а коль ей скучно, и хочется с кем-нибудь понянчиться, пусть заведет себе собачку, или, на худой конец морскую свинку. Сперва девушка хотела крепко обидеться на примитивного супруга, но потом передумала. А смысл? Во-первых, это одинаково ничего бы не изменило, ибо коли Борзов в чем-то уперся – переубеждать его бесполезно, все равно не получится: он всегда был непреклонен в своих намерениях, взглядах на те, или иные вещи, мнениях и целях. Собственно, вероятнее всего, именно благодаря этому Борис и стал олигархом.

Ну а во-вторых, таков уж он был по натуре, прямолинейный, порой бесцеремонный, привыкший «рубить правду-матку» прямо в лоб, и не склонный к излишним сентиментам да всяким там «телячьим нежностям». Он не любил и не умел «сюсюкаться», заодно как и вообще выставлять на показ «слюнявые» чувства. Наталья даже не припоминала, чтоб муж хоть когда-нибудь толком признавался ей в любви, даже в момент предложения руки и сердца. Впрочем, отсутствие красноречивых слов Борис зачастую вполне успешно заменял дорожными подарками – «милыми безделушками», что по большому счету девушку всегда устраивало. И все же... Все же иногда нет-нет, да и хотелось услышать из уст благоверного заветные слова любви, полные нежно-

сти, душевности, теплоты, заботы и трепета. Хотелось, как «простые смертные», в простых джинсах и майках, вместо брендовых костюмов и вечерних платьев от кутюр, босиком, взявшись за руки, побродить по васильковому полю, пахнущему росой, налитыми колосьями, сеном и свободой, любоваться лазурным небом, мерцающим миллиардами звезд, слушать упоительную трель соловьев, и до обморока целоваться, повалившись на стог сена...

Наверное, смешно мечтать о подобных «глупостях» в двадцать шесть лет, это больше под стать восемнадцатилетним наивным барышням, только вот в восемнадцать лет Наталья мечтала как раз о другом: о шикарном доме со всеми удобствами, о крутой "тачке", о как минимум пятиразовом отпуске на каких-нибудь Мальдивах или Канарах за год, о неиссякаемом потоке «бабла», словом, обо всем том, что у нее сейчас имелось навалом. Почему же тогда она не чувствовала себя абсолютно счастливой?...

– Наталья Антоновна, я закончил, – словно издалека, сквозь туманную дымку донесся до девушки голос Паоло.

– Что? – Наталья невольно содрогнулась, возвращаясь из нахлынувшего наития к реальности. – А, ну да, закончил. Что ж, благодарю, Паоло. Ты, как обычно, был не превзойден.

Массажист проникновенно улыбнулся.

– Рад стараться. Помните, что я всегда к вашим услугам. Кстати, я знаю, что у вас завтра праздник, годовщина...

– Вижу, слухами земля полнится, – усмехнулась Наталья, прикрываясь покрывалом, поднялась с массажного столика, и стала одеваться. – Да, у нас с мужем годовщина – пять лет брака. Срок не абы какой, но все-таки...

– Отчего же, пять лет – вполне серьезная дата, – отметил Паоло, протирая руки влажным полотенцем. – В любом случае стоит отпраздновать как следует.

– Это само собою, – согласилась «юбилярша», подозревая, что массажист намекает на собственную причастность к празднованию. И хоть Наталья глубоко уважала Паоло как профессионала, приглашать его на «гулянье» не собиралась – они же с ним не друзья-товарищи, он всего-навсего «обслуживающий персонал», так что на ЕЁ празднике ему делать нечего. – Слушай, Паоло, ты уж не обессудь, что я тебя не приглашаю, – решила она указать ему «на место», – просто...

– Да бросьте, я даже не помышлял о подобном, – заверил Наталью массажист. – Я всего лишь хотел поздравить вас от чистого сердца...

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила молоденького парня Наталья, застегивая на юбке «молнию».

– ... и в знак... почтения кое-что вам подарить, – продолжил Паоло. – Разумеется, бриллиантовых колъе или подлинников картин мировых художников я вам предложить не могу, да я и уверен, что этого добра у вас без меня хватает. А вот такого подарка вам уж точно никто не презентует, – и он

протянул клиентке некий небольшой розовый конвертик.

– Ой, что это? – Наталья взяла конверт, и завертела его в руках, разглядывая со всех сторон, зачем-то понюхала, и лишь потом заглянула вовнутрь.

В конвертике лежала на первый взгляд обычная ламинированная бумажка типа визитки. На черном фоне – голубой оракул, над которым колдовали чьи-то руки с ядовито-красными ногтями. По центру красивыми большими золотыми буквами-завитками значилось многообещающее имя: ведунья Пелагея. А чуть ниже да помельче: я знаю о вас все!

– Что это? – повторилась Наталья, слегка опешив от такого своеобразного подарка.

– А вы сзади прочитайте, – Паоло кивком указал на «визитку», – там все написано.

Наталья перевернула карточку обратной стороной, и вслух зачитала:

– Абонемент на индивидуальный прием специально для многоуважаемой Натальи Антоновны Борзовой... Число, дата, год, время... Я что-то недопонимаю, что за розыгрыш?

– Это не розыгрыш, это так сказать пропуск на сеанс к моей двоюродной прабабушке.

– Какой еще прабабушке, Паоло? – Девушка начала раздражаться. – Ты можешь пояснить все толком?

– Так я и поясняю, – заявил массажист преспокойно. – Ведунья Пелагея – моя двоюродная прабабушка, она потомственная провидица и целительница, причем, уверяю вас, не

какая-то там шарлатанка, а самая что ни на есть настоящая, это я вам, Наталья Антоновна, могу поручиться честью нашей семьи, – забожился юноша. – Так что прабабка действительно многое знает и умеет, она достаточно известна среди... определенных кругов, и многим помогает. Только вот попасть к ней на прием счастливиться далеко не всем, и тут даже не в оплате дело, просто... Впрочем, это долго объяснять.

– Да мне и ни к чему знать все эти тонкости, я всего-навсего хочу понять, зачем ты мне это подарил? – уточнила Наталья, уже полностью «экипированная», и готовая распрощаться с массажистом.

– Ну как же, – все «не отпускал» ее тот, – я подумал, что вам будет интересно узнать свое будущее, и все такое...

– Ты это серьезно?

– Серьезнее некуда, – подтвердил Паоло свои «благие намерения». – Согласитесь, это же так... захватывающе, – добавил он с придыханием.

– Ну да, наверное, – протянула Наталья неопределенно. – А сам то ты пользуешься услугами своей бабки? И как? Много счастья она тебе уже напорочила?

– Не-а, бабушка родичам не гадает, у нее на это дело – табу.

– Даже так... Что ж, в любом случае – спасибо тебе, Паоло, за столь... оригинальный презент, – скорее приличия ради еще раз поблагодарила юношу Наталья, и направилась,

наконец, к выходу из салона.

Приглашение от гадалки девушка забросила в сумочку, решив поразмышлять над тем, что с ним делать, по дороге в следующий салон – на сей раз салон красоты под названием «Нифертити», где ей предстояло подобрать мейк-ап и прическу к торжеству. Назвав шоферу адрес (водить Наталья умела, но как-то не особо любила, да и к чему париться, когда под рукой всегда имеется личный водитель Сережа – немногословный, сдержанный мужчина неопределенного возраста?), она удобно расположилась на мягком сидении шикарного лендровера последней модели, и снова завертела в руках «визитку» от прабабки Паоло, добытую обратно на свет Божий.

– Ведунья Пелагея, – вдумчиво повторяла Наталья про себя, словно пытаясь распробовать сие словосочетание на вкус.

В принципе, девушка никогда особо не увлекалась всякой там магией-мистикой, как-то не до того было ей в жизни, и, тем ни менее, жажда заглянуть «по ту сторону» неизведанного, а уж тем более – искушение узреть будущее, естественно были ей, как и любому нормальному человеку, не чужды. Не зря же поется в известной песне, что «устроены так люди, желают знать, что будет»! Другое дело, что Наталья одновременно и опасалась связываться со всякими там ворожеями да колдунами, ведь еще неизвестно, чем это может в итоге обернуться. Да и на сто гадалок ныне приходится девяно-

сто девять обычных «лохотронщиков», тупо выдуривающих с наивных граждан их кровные. И хотя «кровных» у Натальи водилось в таком количестве, что от «развода» ее кошелек ничуть не пострадал бы, зато пострадало б уязвленное самолюбие: как-то не хотелось заделаться «лохом». Правда, Паоло клятвенно уверял, что его прабабка – самая натуральная ведьма, да еще прямо-таки жаждущая «обслужить» Наталью по самому высшему разряду, а он в таких делах лукавить не станет – не в его интересах. А значит... Значит, почему бы не попробовать?! Хотябы «по приколу», ради интереса?

– Эх, была – ни была! – внезапно решила девушка, и велела водителю сменить курс направления: индивидуальный прием у Пелагеи был назначен ровно на семь вечера, сегодня, а часы как раз показывали без двадцати девятнадцать. – А в «Нифертити» можно и попозже наведаться, они так, или иначе работают до девяти вечера, – убедила она сама себя.

.На поверку ведунья Пелагея оказалась вполне обычной (по крайней мере – с виду), юркой, еще относительно молодой старушкой лет восьмидесяти. Она не была облачена в нелепые мрачные «ведьминские» одежды, в коих обычно любят красоваться те самые шарлатаны да лохотронщики, не носила пышных «цыганских» париков, не обвешивалась кучей ритуальных амулетов типа волчьего клыка или куриной лапы, одним словом, выглядела как нормальная, интеллигентная женщина преклонного возраста – в аккуратном платье, с аккуратной же прической, и с простым, совсем не

«ведьминским» лицом. Клиентов принимала ведунья также не в каком-то там гадальном салоне, а в обычной квартире из разряда так называемого «среднего класса», то бишь, прямо у себя на дому. Обстановка в помещении, опять же, ничем не напоминала чародейское жилище. В квартире не наблюдалось ни баночек с сушеными жабыми шкурками, косточками летучих мышей, всякими маринованными жучками-паучками, и прочими традиционными атрибутами для колдовских снадобий, ни свисающих с потолка пучков лечебных трав и оберегов, по углам не дымились свечи, на столе не стояла «книга заклинаний», словом, ничто не выдавало ни в доме, ни в его хозяйке их принадлежности к магическому ремеслу. Но, как ни странно, именно отсутствие всякой показушной видимости напротив лишь уверило Наталью в правдивости способностей ведуньи Пелагеи, и вызвало в ней даже нечто, сродни расположения. Кроме того взгляд пожилой женщины – глубокий, пронзительный, завораживающий, так и навеивал почти священное благоговение, не оставляя ни малейшей возможности к «отступлению».

– Пришла, значит, – с ходу, без лишних церемоний, как только Наталья ступила на порог, и молча протянула ей «абонемент», проскрипела ведунья осевшим от старости голосом, в котором скользило неодобрение. Казалось, она вовсе не обрадовалась визиту девушки, скорее даже расстроилась.

– Вообще то у меня и в мыслях не было к вам идти, – Наталья почему-то ощутила острую потребность оправдаться, –

просто ваш Паоло... ну, Паша то есть, внук двоюродный, я у него массаж всегда делаю... Так вот, он так настойчиво... рекомендовал мне воспользоваться его подарком. Я сперва не хотела, но потом...

– Вот-вот, Ева сперва тоже не хотела вкушать плод с древа познания добра и зла, пока змий не искусил ее, – невольный пад заявила гадалка без тени иронии, не сводя при том пристального, обжигающего взгляда с «клиентки». – И с тех пор так уж и повелось, что мы, люди, предпочтительнее поддаемся уговорам этого змия, али Бога. Вот и я в свое время ему поддалась, подчинилась – и продала душу, – призналась странная старушка, обескуражив тем самым растерявшуюся Наталью. – И с тех пор нет мне возврата к былому, да и, по правде говоря, не хочу я, нравиться мне, черт мне батька, та сила и то могущество, дарованные мне в замен на душу. Хотя я и осознаю, чем это в конечном результате чревато, но... все равно не могу с собой ничего поделаться. А вот ты, в отличии от меня, еще можешь спасти свою душу – если только сама не пожелаешь ее погубить, – понесла ведунья Пелагея совсем уж полный бред.

– То бишь как это... то есть, что вы имеете в виду? – протянула девушка, невольно впечатленная такими хоть и странными, но в то же время пугающими откровениями бабки Паоло. В душе Натальи невольно зашевелилась тревога, и некое предчувствие чего-то... нехорошего.

А колдунья тем временем продолжала свои чудные речи.

– Я всю твою жизнь насквозь вижу, как на ладони, и многое про твое будущее могу тебе поведать. Однако – не стану. Так как всякое чародейство и магия – грех пред Богом, и каждый, кто прибегает к подобному – берет на душу смертный грех, – удивила она гостью столь откровенным признанием. – Только лично мне то уже все нипочем, я то и так уже увязла во всем этом безвозвратно, но вот ты... Ты, дорогуша, и так свою некогда светлую душу очернила, на богатство променяла, золотом ослепила, зачем тебе окончательно ее гробить?... Впрочем, кое-что я тебе все ж скажу, – пошла на определенные уступки ворожея. – Покуда знаю, что привело тебя ко мне не столь праздное любопытство, сколь боль сердечная, да маета душевная. Все то у тебя имеется, кроме одного: покоя да радости в душе. Утешения хотела найти у меня, помощи? Но не стоит искать их у черта, черт не способен дать человеку ничего светлого, свет у Бога искать надо. Бог же есть Любовь. А значит и счастливой ты станешь, когда найдешь и познаешь эту самую любовь: как ближний – к ближнему, как мать – к дитяти и дитя к родителям, как женщина – к мужчине, и как человек – к человеку. – Пелагея вещала одними загадками и полупамятками. – Только дабы найти, сначала нужно потерять, и тебе придется потерять все, дабы приобрести все... Но ты не опасайся ничего, кроме красного платья и волка в свете ламп, да и то тебе обернется во благо, – завершила она совсем уж заковыристо. – Ну, а теперь иди себе прочь, и не ходи больше по

гадалкам всяким да колдунам, коли хочешь душу свою убе-
речь. Иди, милая, иди с Богом...

С этими словами ведунья буквально чуть ли не силком
выставила вконец офонаревшую от ее «пророчеств» Ната-
лью за порог, захлопнув двери. Той ничего другого не оста-
валось, как топать обратно к поджидавшей ее у подъезда ма-
шине, и ехать в салон красоты.

Всю дорогу к «Нифертити» в голове у девушки десятки
раз эхом звучали замысловатые слова бабки Паоло, только
она так и не сумела вникнуть в их суть, понять, чтобы все
это значило. В конце-концов ей надоело сушить себе моз-
ги, и Наталья решила отвлечься, развеять неприятный оса-
док, оставшийся после визита к Пелагее, тем более, что по-
вод для этого представился весьма подходящий: девушка как
раз прибыла в салон, где ее дожидались приятные женские
радости, способные стать панацеей от любых тревог.

С тех пор, когда Наталья благодаря своей внешности по-
бедила пусть и не в абы каком, но все же в конкурсе красоты,
а заодно и отхватила у судьбы джек-пот в особе мужа-оли-
гарха, она решила, что красота – ее главное оружие, а пото-
му всегда тщательно следила за собой. Не удивительно, что
посещение салонов красоты со временем стало ее основным
хобби и удовольствием одновременно. «Нефертити» являл-
ся любимым салоном девушки по той причине, что он но-
сил славу самого «крутого» центра красоты в округе, к тому
же, там работали действительно профессиональные мастера,

ухитрявшиеся исполнять самые прихотливые капризы клиентов таким образом, что те всегда оставались не просто довольны результатом – восхищены. По крайней мере – Наталья так точно. Ее личный мастер Ксения, с которой она, к слову, за годы завсегдатайства успела даже заприятельствовать, всегда, без лишних, слов улавливала настроение и пожелания красавицы, и своими воистину волшебными манипуляциями «лепила» из той богиню. Вот и сегодня, помимо стандартных процедур типа отбеливания веснушек, пиллинга, массажа лица и головы, лечебных масок, маникюра-педикюра, тонирования волос, и прочих приятностей, Наталье подобрали специальные макияж и прическу к завтрашнему торжеству, и даже сделали пробную «примерку».

Разглядывая себя в огромное, во весь рост зеркало, Наталья, как обычно, не нашла к чему придираться.

– Ксюшенька, я говорила тебе, что ты – волшебница? – кокетливо промурлыкала она, любуясь своим отражением.

– Тысячу раз, – скромно усмехнулась в ответ «волшебница». – Только в этом нет моей заслуги, с такой красотой работать одно удовольствие.

– Ох, умеешь ты польстить, – пожурила Ксению Наталья, вместе с тем ничуть не возражая. Поскольку глупо отрицать

очевидные вещи: девушка действительно была фантастически красива, а уж после «колдовства» мастерицы – вообще неотразима. – Жаль только, что сегодня придется убрать всю эту прелесть, чтоб не обрадовать моего Борюсика преждевременно, – вздохнула красотка, имея ввиду праздничные прическу и мейк-ап. – А вдруг, завтра уже так красиво не получится?

– С вами такое невозможно, – в который раз посыпала комплиментами Ксения.

Наталья снова удовлетворенно рассмеялась, и еще немного помиловалась собой, прекрасной, из зазеркалья.

Оттуда на нее смотрела довольная молодая женщина с идеальными линиями деликатного личика, огромными изумрудными глазами в обрамлении длинных, густых ресниц, аккуратным, четко очерченным небольшим ротиком с аппетитно-пухлой нижней губкой, переливающейся перламутром, матовой кожей, упругой, подтянутой грудью, тонкой талией, стройными, точеными ножками, и плавной линией женственной фигуры. О том, каких усилий ей стоила вся эта красота, Наталья давно уж привыкла не думать. Ведь какая по сути разница, что кожа поражает чистотой и гладкостью благодаря многочисленным «шлифовкам», электропроцедурам, маскам, солярию, и т.п., что глаза сияют задорным "русалочьим" цветом благодаря специальным постоянным лин-

зам, усиливающим цвет, ресницы напоминают взмах ворона крыла благодаря наращенным «волоскам», что нос кажется точеным благодаря пудрам и тоналкам, что волосы блестят золотом благодаря чудодейственным краскам, что грудь «вздывается» благодаря силиконовым вставкам, что талию «делает» корсет, а фигуру в целом – постоянные изнуряющие диеты и лишения? Об этом же никому, кроме нее и пары-тройки мастеров неизвестно, всем остальным виден исключительно шикарный результат, вызывающих у мужчин отвисание челюстей, а у женщин желчный скрежет зубов. Для самой же Натальи, как было упомянуто выше, ее внешность являлась предметом гордости и даже некого поклонения, что иногда переходило здравые границы.

Лично Наталья так не считала, и свято веровала, что ее красота достойна того по-праву...

– Значит, завтра ближе к шести ты, Ксюша, должна будешь повторить все это, чтоб вышло ничуть не хуже, чем сегодня, – оторвавшись, наконец, от самолюбования, напомнила красавица. – Разве только лучше. Хотя, куда уж лучше-то, – хихикнула она, и умогилась обратно в кресло: «снимать» шедевры мастерицы.

Примерно через час Наталья вышла из салона, и направилась к автомобилю, терпеливо ожидавшемуся ее на стоян-

ке чуть поодаль. На дворе стояла ранняя весна, как раз той трепетной поры, когда еще не тепло, но уже и не по-зимнему холодно. Когда в воздухе неуловимо пахнет предчувствием пробуждения природы, когда редкие, но энергичные соловьи своим неистовым щебетом предвещают, зазывают лето, когда весело капает с крыш, а из-под снега пробиваются первые островки живой земли, и в душе зарождаются некие непонятные, горько-сладкие надежды на новую, прекрасную жизнь.

Хотя, минусы у такой поры также имелись, а именно: промозглые даже в самых качественных и дорогих сапожках ноги, нестабильность, капризность погоды, и гололед, грозящий как пешеходам, так и «ездакам» травмами и авариями. Вот и сейчас Наталья еле-еле ковыляла к машине на своих шпильках по тонкому, скользкому льду, образовавшемуся на всех лужицах в связи с вечерними заморозками.

– Блин, так же убиться на фиг можно! – балансируя, словно акробат на канате, сердилась девушка, любившая комфорт и удобство, и давно отвыкшая от всякого дискомфорта. – Не хватало мне, молодой-красивой сломать себе что-нибудь! А всему виной...

Наталья не успела предъявить никому претензий, так как внезапно каблук правой обуви резко соскользнул в сторону, она дернулась, взмахнула руками, не удержала равновесия, и со всей силы шмякнулась во весь рост оземь. И «при-

землилась» по закону подлости не на снег, и даже не на лёд, а прямехонько в кучу невероятно грязной жижи. Слава Богу, сломать ничего не сломала, зато испачкалась – по самое некуда. Нежнейшее манто из белого соболя мгновенно просочилось грязью почти насквозь, противное болото заползло вовнутрь, растеклось по телу, погрузило в волосах, и даже ухитрилось забиться в глаза, уши и рот. Отплевываясь, фыркая и постанывая, несчастная жертва гололеда кое-как приподнялась, еще раз критически оглядела масштабы катастрофы, пришла в полнейший ужас, не выдержала, и разревелась.

Как истинная «рублевская жена» и титулованная красавица, Наталья всегда бурно переживала такие «страшные вещи», как-то потекшая тушь, сбитая прическа, сломанный ноготь, и тому подобные беды, а тут можно сказать произошла вселенская трагедия, потому не удивительно, что реакция возникла соответствующая. Впрочем, относительно скоро девушка поняла, что просто так убиваться по этому поводу – бессмысленно, ситуация от этого не изменится, в связи с чем приняла благоразумное, здоровое решение вернуться в «Нефертити» с целью привести себя в порядок. Не показываясь ж ей, в самом то деле, на людях в подобном виде! А уж тем более – перед мужем, ведь по большому счету ее внешность – это главное достоинство, благодаря которому он осчастливил ее званием «жена Бориса Борзова». По крайней

мере, Наталья всегда так искренне полагала, соответственно холила и лелеяла себя, любимую, как королеву, желая оставаться для мужа всегда желанной и необходимой.

Перед тем, как опять отдаться в умелые руки мастеров из салона, способных, как надеялась Наталья, устранить следы «аварии», и вернуть ей человеческий вид, она предварительно позвонила любимому супругу, предупредив, что задержится «у подруги», на неопределенное время; так уж у них повелось, она, как образцовая, приличная супруга, всегда предупреждала благоверного о своих планах, намерениях, перемещениях, и уж тем более о форс-мажорных обстоятельствах. Другое дело, что не всегда получалось говорить чистую правду, как-то сейчас: Наталье было стыдно признаться о том, что ее красота потерпела поражение, это казалось ей унижительным, что ли, вот она и ляпнула про подругу. И на всякий случай дала ее телефон – не то, чтоб Борис имел привычку ее «проверять», но все же лучше перестраховаться, чем потом выяснять отношения. Кстати, роль так сказать подруги отпущения Наталья отвела все той же Ксении, поскольку, та не имела ничего против, и всегда рада была помочь любимой клиентке.

И лишь после того, как Борзов дал добро, она со спокойным сердцем приступила к "реанимаций", не заботясь ни о чем. К слову, о странных «предсказаниях» двоюродной баб-

ки Паоло, ведуньи Пелагеи, Наталья, ввиду последних событий, практически позабыла напрочь.

А между прочим – зря...

Пока Наталью отмыли-отчистили, пока то да се, прошло немало времени, так что домой девушка вернулась почти к полуночи. Звонить Борису, и докладывать о своем прибытии не стала – зачем, когда и так с минуты на минуту лично явиться пред его ясные очи.

Войдя в дом, Наталья первым делом направилась в главную, супружескую, спальню, резонно полагая, что в столь позднее время Борис, скорее всего, находится именно там. Правда, если он вообще дома, ибо с его бизнесом, требующим немало усилий и времени и, как следствие этого – ненормированным рабочим графиком никогда нельзя было утверждать наверняка, когда именно благоверный освободиться для дома и всяких там традиционных семейных радостей типа совместных обедов или походов в «киношку». Впрочем, как нам уже известно, возможный недостаток личного внимания любимый муженек всегда сполна компенсировал избытком дорогих подарков, так что как Наталье по большому счету грех было жаловаться. Вот она и не жаловалась, по крайней мере – в открытую, и никогда особенно не предъявляла мужу никаких претензий, за что он, в свою

очередь, в который раз оплачивал ей всем, что ее женской душеньке было угодно. Одним словом, жилось Наталье действительно на зависть всем провинциалкам, вынужденным торговать на рынке «турцией», и втихаря мечтающим о прекрасном Принце, который увезет их в настоящую сказку. По крайней мере – на первый взгляд...

Мал-по-малу девушка добралась до той самой спальни, куда устремилась изначально, и решительно вошла внутрь. Как она и предчувствовала, Бориса там не оказалось. Неужели опять задерживается на своей разнесчастной работе? И как у него только сил хватает вкалывать сутки напролет? Правда, не будь так, вряд ли бы он тогда смог обеспечить ей, Наталье, столь красивую жизнь, и все же иногда она бы с легкостью пожертвовала парой-тройкой брильянтовых побрякушек ради того, чтобы супруг провел с ней полноценный день со всеми вытекающими. Но, как говорить, мечтать не вредно. И, похоже, именно этим ей и придется заниматься в очередной раз, вместо законно полагающейся ночи любви.

Тоскливо вздыхая из-за не к месту нахлынувшей тоски, Наталья невесело поплелась в ванну – разоблачаться ко сну. По дороге она глянула на часы: половина первого ночи, самое время разгула нечистой силы, подумалось ни к стати. С какого перепугу она упомянула о нечисти, женщина и сама не понимала, просто пришло ни с того ни с сего на ум – и все тут. А сразу следом за тем вспомнился ее визит к родствен-

нице массажиста Паоло, и весь тот бред, который та ей предсказала (если это вообще можно назвать предсказанием). До сих пор не вспоминался, а тут вдруг вспомнился, и от этого воспоминания Наталье почему-то сделалось сильно не по себе. Откуда ни возьмись, на женщину одним мигом нахлынуло необъяснимое чувство тревоги, или скорее даже предчувствие. Предчувствие чего-то... плохого, даже страшного. Как там предупреждала эта ведьма? Стерегись волка и красного платья, или что-то в этом роде?

– Нет, ну это же полная ерунда, – фыркнула про себя Наталья, пытаясь уговорить разбушевавшиеся нервы. – При чем тут платье к волкам, или наоборот? Старуха явно не в ладах с собственной кришей, это ж очевидно, а я, дуреха, уши-то развесила. Хорошо хоть денег с меня не содрала, гадалка доморощенная.

Бормоча себе под нос, женщина прошла в ванную комнату, которая, кстати, была весьма внушительных размеров и воистину королевской отделки, и направилась к душевой кабинке: хотелось смыть с себя все плохие впечатления, выпавшие на ее долю сегодняшним днем. Вот лишь осуществить задуманное Наталья так и не успела: буквально на пол пути она обо что-то споткнулась, что-то, валявшееся на плиточном полу под ногами. Женщина опустила взгляд, и мало не грохнулась в обморок: у ног живописно возлежало красное платье! Дорогое, шикарное, кроваво-красное женское платье, уж точно не принадлежавшее ее гардеробу.

Первой мыслью всегда столь практичной и отнюдь не суеверной Натальи была мысль о неких потусторонних монстрах, явившихся по ее душу согласно «пророчеству» бабки Паоло (как там ее? А, не суть важно!), вполне возможно, это волки-оборотни, или нечто в этом роде. Наверняка сейчас как выпрыгнут из-за... да вот хоть бы из-за ширмы душевой, и слопают ее, несчастную, живьем, даже костей не оставят. А когда вернется Борис, то так и не сможет догадаться, куда подевалась его любимая жена. Трепеща от ужаса, Наталья уже открыла было рот, готовясь заорать во всю глотку, таким образом попытаться спасти свою жизнь молодую, но тут как раз из-за той самой ширмы душевой вместо злобного потустороннего рычания слышались вполне земные, человеческие стоны и смешки. Отнюдь не зловещие, а скорее довольные, упоительные. Наталья проглотила застрявший в горле крик, и первые секунд десять тупо таращилась на дверь ванной, пытаясь «переключиться» с волны ужаса на действительную реальность, потом еще столько же ей понадобилось для окончательного осознания того, ЧТО происходит. А происходило, скорее всего, следующее: кто-то неистово, со всей страстью, предавался в душевой любовным утехам. Учитывая, что вся прислуга к ночи расходилась по домам, а воры-домушники вряд ли стали бы взбираться в дом олигархов только с целью заняться там сексом, то это значило... Что именно это значило, Наталья домысливать боялась. А уж убедиться в своих подозрениях воочию – тем более. Может,

лучше развернуться, и убраться от греха подальше спать – типа ничего не происходит? Типа, все ей привиделось, показалось, придумалось с перепугу, а завтра, на свежую голову... А что завтра-то? Делать вид, что ничего не случилось? Хотя, вдруг и вправду ничего не случилось? Вдруг это... это... это...

Наталья так и не смогла найти внятное объяснение текущему событию. И это ее почему то так сильно разозлило, так разозлило, что в порыве гнева она, почти не ведая, что творя, резко отдернула занавеску душевой – и таки наглядно убедилась в своих догадках. За ширмой, в пикантной позе, под нежными водопадами теплой воды, голые, мокрые, возбужденные и довольные обнимались-целовались двое: какая то грудастая, жопастая, рыжая дылда – страшная, словно смертный грех! – и... ее любимый муженек – Наталья гордость и опора. Застуканные врасплох голубки стыдливо отпрянули друг от дружки, и испуганно уставились на Наталью. Она тоже тарасилась на парочку во все глазищи, не найдясь, что сказать. Потом хорошенько поискала, нашла, и таки произнесла, обращаясь к мужу:

– Когда я тебе предлагала заняться любовью в ванной, ты ответил, что это опасно – можно, мол, поскользнуться на мокром полу. – Её голос звучал ровно, без особых эмоций, и это особенно... впечатляло. – Но вы наверняка делаете это приняв все меры безопасности.

– Натали, родная, послушай! – наконец то опомнился бла-

говерный. Засуетился, начал выкручиваться, словом, все, как в духе жанра. – Ты все не так поняла !.. То есть, я сейчас тебе все объясню !.. То есть...

– Что это есть, я и сама вижу, – по прежнему безпристрастно проговорила Наталья. – Я другого не пойму: ПОЧЕМУ это происходит? Чем ОНА, – Наталья обвиняющим жестом ткнула пальцем в соперницу, – лучше меня? Что я тебе такого не додавала, что ты изволил искать это в ней? А может не только в ней?! – Голос женщины начал срываться, наконец в нем появились живые эмоции: обида, непонимание, разочарование, боль. – Со сколькими ты меня «заменяешь», Боренька? И как долго? А может прямо с первых дней совместной жизни?! Или даже в первую брачную ночь ты бегал к кому-то еще, пока я спала?!

– Натали, не надо сгущать краски! – тон благоверного тоже изменился, теперь вместо виновато-оправдательных ноток в нем зазвучали пренебрежительно-притензийные. – Не надо судить по одному случаю. В жизни мужчины всякое бывает, но это еще не значит, что он обязательно последняя сволочь. Ну, увлекся я, ну поддался искушению, но при том все равно ты – главная женщина в моей жизни! – клятвенно заверил он Наталью, только что на колени пред ней не припал.

Если бы не переминающаяся за спиной Бориса рыжая дылда, аки Афродита прикрывающая свои причинные места белыми ручками и с видом пуганого котенка зыркающая то

на своего богатого любовника, то на его жену-дурынду, между ними, то бишь богатым любовником и его женой-дурындой разгорелся бы вполне уместный в таком пикантном случае семейный скандал, однако дылда сильно мешала разгору страстей своим присутствием. Ее следовало куда-нибудь сплавить, это понимали все участники драмы, в том числе и сама «Афродита», посему, когда ее вежливо попросили удалиться, она не стала возражать, и поспешно покинула помещение, прихватив по дороге свое красное платье (вот оно откуда взялось, оказывается!). А чета Борзовых осталась тет-а-тет выяснять отношения. Хотя чего тут выяснять, коли и так все ясно?

Именно об этом и заявила муженьку Наталья, попутно высказав ему все, что о нем думает, все, что накипело в душе, да рвалось наружу. Тот, то бишь муженек, сперва пытался кое-как отвертеться, оправдаться, уладить ситуацию, но поскольку на Наталью никакие уговоры не действовали, он тоже не стерпел, и в свою очередь выложил ей свою позицию.

– Дура ты, Наташка! – нагло заявил ей Борис. «Наташкой» он ее не называл с тех пор, как они поженились – тогда, в честь расставания с серым, пресным прошлым и вхождения в новую, прекрасную жизнь, Наталья отреклась от простецких форм своего имени, и потребовала всех величать ее исключительно «Натали». С тех пор прошло пять лет, за которые муж ни разу не нарушил сей прихоти благоверной, но вот сегодня, сейчас... Впрочем, сегодня и сейчас – особый

случай. – Думаешь, ты единственная вся такая разнесчастливая жена олигарха, которой муж изменил?! Да все богатенькие папики изменяют своим пассиям, ВСЕ! Да что там папики, все мужики изменяют своим бабам, на то они и мужики! – воодушевленно отстаивал свое право налево супруг. – Пойми, мы так устроены природой, мы не можем долго довольствоваться одним и тем же, нам необходимо разнообразие, свежие впечатления, сексуальная свобода, в конце-концов! Но это все так, чисто для тела, чисто физиологически, понимаешь.

– Понимаю, – угрюмо вздохнула Наталья. – Хотя как же тогда быть з душой? Как же чувства, семейные ценности, любовь на худой конец?

– А что любовь? Любовь тут ни при чем. То есть, я хочу сказать, что ко всем этим женщинам – ни при чем, а к тебе, малыш, очень даже при чем, – заискивающе промурлыкал Борис, облачаясь в уютный махровый халат как ни в чем ни бывало – словно он только что просто принял душ. Сам, без рыжей стервы. – Пойми, они – это все так, не серьезно, позову грешной плоти, а ты... Ты же знаешь, что ты для меня – единственная. И я тебя люблю. – В подтверждение своих признаний он попытался приобнять Наталью, но та резко увернулась.

– Странные, замечу, у тебя представления о любви, Боря, – со слезами в голосе и глазах просипела девушка. – Я всегда наивно полагала, что любовь, это когда ты ни за что

не станешь причинять боль тому, кого любишь, а ты...

– А что я?! – опять вернулся к «нападению» супруг. – Я вытащил тебя из задницы, сделал своей законной женой, обеспечил красивую жизнь, благодаря мне ты имеешь все что захочешь, и даже больше – так чем ты не довольна, я не пойму?! Ежели это по твоему не любовь, дорогуша, тогда вали на все четыре стороны – ищи себе НАСТОЯЩУЮ любовь. С государственной зарплатой мужа в пять тысяч, с двушкой в коммуналке, с сопливыми спиногрызами, требующими памперсов, тетрадок и шоколадок, которых не на что будет достать, с ворчливой свекровью, выматывающей работой где-нибудь на подпольной макаронной фабрике, с ежедневной варкой, жаркой, стиркой, и прочими прелестями рая в шалаше. Только знаешь что?! – свирепствовал благоверный, от избытка чувств маша перед носом жены руками столь активно, что та уже стала опасаться, как бы он его "случайно" не расквасил. – Во-первых, не факт, что даже такой отстойный лузер не станет тебе изменять. Я ж говорю, мужики все одинаковые, что олигарх, что захудалый слесарь! А во-вторых, ты ж не сможешь ТАК жить. Ни со слесарем, ни сама по себе, ни вообще. Ты же уже настолько привыкла к красивой жизни, что ни за что не станешь возвращаться к старой. К своей прежней, нищей, никчемной жизни! Так что... – Нахал многозначительно развел руками. Не утерпел, и сделал «контрольный» :– Без меня ты, дорогуша, никто и ничто. А потому будь пайнкой, и не истери, иначе я тоже

могу психануть, и тогда у тебя уже точно не останется выбора. Усекла?

Последние слова Борзов прошипел Натальи прямо в лицо, схватив ее своей сильной лапищей за подбородок. От его дыхания на нее пахнуло до боли знакомым ароматом смеси табака и дорогой туалетной воды, от которого у нее когда-то, во времена их бурного романа, сладко кружило голову, но со временем он «принюхался» что ли, и перестал так сильно будоражить кровь. Сейчас же Наталью от этого "благовоения" чуть не вывернуло. Ей вдруг стало необъяснимо тошно от этого запаха, от прикосновения Бориса, от его голоса, взгляда, присутствия – от него всего. Словно это не раннее горячо любимый муж, а какой-то противный тип, неприятный, другой, чужой. Она словно посмотрела на него иными, «измененными» глазами, как на «измененного» человека – незнакомого человека.

Особенно же противно Наталье сделалось оттого, ЧТО этот чужой, незнакомый человек сказал. Нет, даже не так. Ей сделалось противно оттого, что он попал своими словами прямо в точку. От того, что он, черт подери, прав: она действительно привыкла к «красивой жизни» и не хочет и не может возвращаться из своего Царства в болото, даже если... Даже если ей придется закрывать глаза на измены Бориса, продолжать жить с ним, как ни в чем ни бывало, и делать вид, что все супер-пупер, и терпеть возле себя этого... чужака???

Наталья не могла себе дать конкретный ответ на этот весьма спорный вопрос. Ведь с одной стороны она ни за что на свете не хотела лишаться всех благ земных, но с другой – находиться рядом с ЭТИМ человеком она так же не могла ни секунды – не говоря уже о всей последующей жизни. В общем – тупик полный!

– Короче, ты хорошенечко все взвесь и обдумай, прежде чем делать какие-либо выводы, милая, – словно подслушав Натальины раздумья уже спокойно «посоветовал» ей Борзов. – Поговорим завтра, когда ты успокоишься, и сможешь адекватно воспринимать реальность. А сейчас пошли в кроватку – баиньки. – Чмокнув жену на прощание в лоб, он удалился, очевидно в спальню, не став настаивать на том, чтоб та следовала за ним.

Оставшись одна, Наталья минуту-другую стояла истуканом, пялясь в одну точку бессмысленным взглядом, после чего молнией рванула из ванной, сбежала с лестницы вниз, на нижний этаж, по дороге прихватила из бара первую-попавшуюся бутылку первого-попавшегося алкогольного напитка, затем выскочила из дома вон, в коем то веке самостоятельно «оседлала» машину, и газонула так, что аж засвистело – куда глаза глядели. Глаза глядели на выезд из города, подальше от городской суеты, скопления людей, от цивилизации. А главное – прочь от мужа-оборотня, от треснувшей по всем швам семейной жизни, от самой себя и своих разбушевавшихся, сумбурных мыслей, которые Наталья надея-

лась разогнать жадными глотками алкоголя и свистящим в ушах от скорости ветром.

Сколько долго она так мчалась – неизвестно, бутылка давно опустела, зато в голове хорошенько затуманилось. Каменные джунгли мегаполиса сменились растительными: за окнами машины проносились совсем «дикие», необжитые пейзажи. Дорога становилась все уже и неблагоприятнее, а вокруг – ни души. Только это совсем не пугало Наталью, скорее даже наоборот. Можно разогнаться до предела, не опасаясь ни вездесущих гаишников, ни встречных автомобилей, ни неосмотрительных запоздалых пешеходов, ни «чужого» Бориса с его дурацкой философией по поводу любви и измен. Впрочем, о Борисе Наталья последние несколько километров старалась вообще не вспоминать, как и о своей... неоднозначной ситуации в целом. Она просто гнала машину вперед, с таким усердием давя на газ, словно тем самым пыталась «раздавить» все плохое, случившееся с ней сегодня. Именно потому, когда на повороте перед колесами авто неожиданно выпрыгнуло нечто большое, лохматое и бурое, Наталья не сумела вовремя среагировать и притормозить. Но поскольку давить существо ей также не хотелось, она не придумала ничего лучшего, как резко вильнуть руль в сторону. Колеса со скрипом и визгом понесли автомобиль вправо – прямёхонько в ближайшую канаву, посреди которой торчала кривая береза.

«Вот сейчас я поцелуюсь с этой корягой, в засос», – как

то отрешенно мелькнуло в голове у женщины, и, словно в подтверждение данной мысли, ее малышка со всей силы впечаталась в дерево. Мир, реальность вокруг как-то странно качнулись, завертелись калейдоскопом, в глазах у Натальи, будто в дешевой комедии заискрились «звезды», и кто-то одним щелчком резко выключил свет. Последним, что девушка слышала перед тем, как «вырубиться», был жуткий, душераздирающий вой то ли волка, то ли некоего потустороннего существа.

Наталья проснулась оттого, что где-то неподалеку что-то или кто-то раздражающе жужжал, точно пчелиный улей. Хотя проснулась – это громко сказано, скорее попыталась продрать слипшиеся глаза и поднять чугунную голову, намертво прилипшую к чему-то жорсткому и неудобному. Ей это удалось не сразу и с большим трудом, но когда все же удалось... Первым, кто попал в поле зрения девушки был довольно-таки странного вида мальчик лет десяти – тощий, лопоухий, со сбитым «ёжиком» на голове, одетый, словно персонаж довоенных детских рассказов: старомодно и по-деревенски. Мальчик сидел за деревянным, явно самодельным столом на аналогичном стуле, и про себя бормотал какие-то буквы выложенные перед ним из тонких палочек. Это получалось у него весьма монотонно, неразборчиво, действительно похоже на жужжание. На Наталью паренек не обра-

щал никакого внимания, будучи всецело поглощенным своим занятием. Та попыталась его окликнуть, но собственный голос прозвучал настолько сипло, что она сама себя еле слышала, что уж тут говорить о пацаненке, находившемся на приличном расстоянии. Тогда женщина решила подняться с места, на котором лежала, и оглядеться вокруг с намерением хоть немного разобраться в том, где она находится, и что с ней вообще происходит; о столкновении с деревом она пока не помнила, как и о многих других предшествующих событиях, последним связным воспоминанием у Натальи являлось воспоминание о неудачном падении в лужу возле салона красоты, дальше – пропасть.

Поднатужившись, девушка подняла свое слабое тело, и завертела головой с целью осмотреть свое пристанище. Пристанищем оказалась довольно-таки просторная комната с деревянными стенами и потолком. Мебель тоже была деревянная, невооруженным глазом видно – сколочена своими руками, но сделана, как говорится, на совесть а не абы как, хотя и с излишним уклоном «под деревню». Здесь почти все навевало мысли о деревне: и отделка комнаты, и мебель, и допотопная печка-буржуйка в углу, и простые низкие окна, и «сельский» пейзаж за ними – какие-то поля, сады, пруды, да прочие прелести природы. Может, летом все это и буяло во всей красе, но сейчас, в слякотную оттепель, навевало лишь тоску и дурное настроение. Меньше с тем, в данный момент Наталье было не до любования пейзажами, ей не тер-

пелось узнать, где, как, и почему она очутилась. Посему девушка предприняла новую попытку докричаться до мальчика за столом, только вот опять тщетно. Он словно оглох, хотя на сей раз Наталья хорошенько продрала глотку, и ее голос зазвучал более зычно, по крайней мере – услышать можно было без проблем. Однако мальчик не услышал, и это удивило и одновременно разозлило Наталью.

– Блин, малой, ты что – глухой, что-ли?! – раздраженно гаркнула она что было мочи.

– Возможно, вы не поверите, но именно так оно и есть, – раздался вдруг чей-то голос со стороны двери, а следом за голосом в комнате появился и его обладатель: статный мужик в телогрейке, войлочных сапогах и меховой шапке-ушанке сбитой набекрень. Не смотря на экипировку, подходящую скорее древнему дедугану, нежели приличному мужчине, дядька выглядел вполне молодым (не более сороковника – уж точно) и достаточно ухоженным, о чем свидетельствовали чистые волосы, выбивающиеся изпод шапки, кожа, и руки. – Тимка родился глухонемым, – добавил мужчина укоризненно, словно это она, Наталья, была в этом виновата.

– Простите, я не знала. Я не думала... – пробормотала та повинно, невольно поддаваясь его влиянию. – Просто... Пойдите, – опомнилась она. – Но как же... Он ведь читает, – кивнула Наталья на бормочущего мальчика. – Вслух. Какой же он в таком случаи немой?

– А разве я сказал, что он немой? – пожал плечами му-

жик. – Я сказал, что он родился глухонемым. К счастью, мне удалось научить его разговаривать, причем, весьма недурно.

– А разве можно научить глухого разговаривать? – невольно поразила Наталья.

– Можно и зайца научить курить, когда сильно постараться, – процитировал "классику" мужчина.

Подошел к мальчику, потрепал того за колючую макушку, улыбаясь ему при этом улыбкой, поной любви и гордости. Парнишка в свою очередь прильнул к дядьке аки дитя малое к маминой сиське, и Наталья как-то сразу поняла, что у этих двоих весьма особенные, непередаваемо теплые, тесные отношения.

– Ну ладно, ладно, отставить телячьи нежности, – с деланным порицанием первым отстранился мужчина. – Ты что забыл, что у нас с тобой тут гостя раненная присутствует? Вот, пришла, наконец, в себя, теперь мы, как настоящие джентльмены, должны будем о ней заботиться.

При этих словах Наталью словно передернуло: «раненная гостя»? Почему это раненая? И у кого она, собственно, «гостюет»? Все эти вопросы женщина потоком вылила на «настоящих джентльменов», требуя немедленно прояснить ситуацию.

– А вы ничего не помните? – уточнил мужчина. – Хотя, это и не удивительно, после такой-то аварии.

Наталья нахмурилась.

– Аварии?! Какой еще аварии?

Мужчина подошел поближе к кровати, на которой она возлежала, или вернее полусидела, и, склоняясь над ней, словно над при смерти недужной, принялся излагать.

– Ну, какой именно аварии наверняка утверждать не возьмусь, так как при самом инциденте не присутствовал, но... вполне очевидно, что вы по каким-то там причинам не справились с управлением, и слетели на обочину, столкнувшись при этом, так сказать лоб в лоб, с ближайшим деревом.

– Столкнулась?! – не могла поверить собственным ушам Наталья. – И... и что?

– И то: к вашему счастью вас обнаружил мой мальчик, позвал меня за собой, и привел к вам. Надо сказать, вам очень повезло, мы подросли как раз вовремя. Еще б немного... Короче, ваш автомобиль того, сгорел.

– Как сгорел?! – от такой новости Наталья рывком вскочила с кровати, однако тут же была вынуждена без сил опуститься обратно, так как у нее сильно помутилось в голове, и она чуть опять не лишилась сознания. Зато к ней неожиданно вернулась память, и она вспомнила все свои вчерашние злоключения, вплоть до невиданного зверя, ставшего причиной той самой аварии. – Господи, это ж... это ж... – Переполненная отчаянием, Наталья даже не нашла, что сказать. Зато нашелся ее "спаситель".

– Вам не стоит делать резких движений, – заботливо предупредил он. – У вас сотрясение, не критическое, конечно, но недельки две полежать придется. А на счет машины... На-

верняка там что-то замкнуло или перегрелось, вот она и взорвалась, по крайней мере от простого столкновения такого случиться не могло. Но это пустяки, то есть, я, разумеется, понимаю, что машина, насколько я успел разглядеть, была не из... словом, хорошая была машина, но главное, что Вы остались живы. А остальное, как говорится, приложиться.

– Да черт с ней, с машиной, – отмахнулась Наталья. – Меня другое волнует: там же были все мои вещи, деньги, документы, телефон – да все. И как я теперь без этого? Как я доберусь до дома, как свяжусь с... – Она запнулась на полуслове, в который раз вспомнив о Борисе и всех его «условиях» дальнейшей совместной жизни, и окончательно раскисла.

Кому и зачем ей звонить, куда и зачем ей возвращаться? Или, все же стоит? Пусть подлый Борька воочию увидит, до чего он ее довел, может, это заставит его раскаяться и... и что? Он не станет ей больше никогда изменять и ставить дурацкие, несправедливые условия? Ой, вряд ли, ой вряд ли!

– ... так что придется вам, уважаемая, потерпеть, – долетело до сознания Натальи окончания фразы, начало которой она проворонила из-за своих горьких дум.

– Что, простите? – переспросила она.

– Говорю, что, учитывая ваше состояние, вам рекомендуется как следует отлежаться, подлечится, и будете как новенькая, – любезно повторил мужчина, правда, несколько другим текстом.

– Да не могу я отлеживаться, мне надо... мне надо... –

Наталья так и не смогла придумать – что именно ей надо, посему просто уточнила: – Ну и где мнд прикажете отлеживаться?

– Ну, приказывать вам я ничего не смею, но вот предоставить к вашим услугам свой скромный кров в качестве временного приюта – всегда пожалуйста. Разумеется, пока вы не свяжитесь с родственниками, и они...

– У меня нет родственников! – поспешно и категорически отрезала Наталья, что было почти святой правдой: мать с отцом остались далеко, в той забытой прошлой жизни, а Борис... Борис теперь ей никакой не родственник. Так, черте что, и с боку бантик. – Я... одна живу. И... в общем, не с кем мне связываться.

На лице мужчины выразилась глубокая задумчивость, он даже затылок почесал как бы в подтверждение напряженного мыслительного процесса (как предположила Наталья, голову он ломал именно над ее судьбой), после чего благодетель со снисходительно-попечительным видом милосердно изрек:

– Что ж, раз так, тогда оставайтесь здесь. Пока не поправитесь, и не сможете уехать отсюда самостоятельно.

– Здесь, у вас?! – на всякий случай переспросила Наталья. – Но... это как-то неудобно... и вообще.

– Неудобно ши лаптем хлебать, да с побитой головой и вывихнутой лодыжкой ковылять по льду черте куда, – резонно заметил мужчина.

– А у меня еще и лодыжка вывихнута? – догадалась "па-

циентка" поневоле.

– А также куча синяков, ссадин и царапин, хотя это уже сушущая ерунда. Говорю ж вам – вы еще легко отделались. Видимо, ремнем безопасности все-таки привыкли пользоваться. Кстати, меня зовут Владимир, – без перехода отрекомендовался мужчина. – А вон тот шалопай, – он кивнул на мальчишку, все это время нерешительно переминающегося с ноги на ногу все там же, в углу возле стола, – Тимофей, попросту – Тимоха. Ну же, Тим, поди-ка сюда, поздоровайся с тетей.

Мальчик в пару шагов пересек комнату, подошел к папке (а в том, что эти двое отец и сын, не было никаких сомнений), прислонился к его бочку, и немного стеснительно произнес, обращаясь, естественно, к «тете»:

– Др-раст-туте.

Прозвучало это несколько... странно, несуразно, словно мальчику с трудом давалась каждая буква, а некоторые он вообще не осиливал вымолвить, и будто «глотал».

– Здравсьте, здравсьте, рада знакомству, – вторила ему Наталья. Но тут вспомнила о глухоте пацаненка, и извиняющееся добавила: – Ой! Вот я дура, он же того, наверняка меня не слышит... Ну, вы же говорили, что он...

– Не волнуйтесь, Тимофей все понял, – уверил ее Владимир. – Тимошка у нас прекрасно читает по губам, даже на значительном расстоянии.

При этих словах милое, наивное личико ребенка растяну-

лось в довольной улыбке, обнаруживающей отсутствие верхнего левого клыка. Впрочем, этот факт несколько не портил паренька, скорее придавал ему комично-озорной вид.

– Значит, ты Тимка? – поддаваясь очарованию мальчишки, заходилась сюсюкаться с ним Наталья. – А я... – Она чуть по привычке не ляпнула «Натали», но вовремя спохватилась. Какая она теперь, после всего случившегося, «Натали»? Обычная прежняя Наташка, опять без почвы под ногами и стабильных перспектив на будущее. Хотя, не исключено, что все еще возможно если не вернуть, то хотябы не потерять окончательно, но об этом она помозгует попозже, когда эти самые мозги придут в норму, а пока – почему бы не побыть «пациенткой» этих двух немного странноватых, но по всему чувствуется – хороших мужчин, взрослого и маленького? – А я – Наташа, очень приятно, – Наталья протянула руку навстречу пареньку, и тот пожал ее ладошку со всей серьезностью и «деловитостью».

– Ну вот и познакомились, – подвел черту Владимир. – Ну а теперь вам, Наташа, не помешало бы немного подкрепиться. Если, конечно, у вас нет проблем с аппетитом, что обычно не исключено при сотрясении.

Наталья внимательно прислушалась к своему организму, и одобрительно произнесла:

– Да нет, вроде съела бы чего-нибудь, легонького.

– Тогда как насчет куриного бульона? – предложил гостеприимный хозяин деревянного дома. – Как раз давеча Вера

приготовила потрясающий куриный супчик, а для больных это же панацея панацей.

– Вера? Это наверняка ваша жена? – спросила Наталья.

Разумеется, у этой парочки есть жена и мать, у ТАКИХ мужчин просто не может не быть матери и жены. И это обстоятельство почему-то показалось девушке... неприятным. Хотя, по сути, ей то что?

– Вера – это наша бабушка, а жены у меня нет, – просветил Владимир гостью, чем доставил ей необъяснимое удовольствие. Может, вся загвоздка заключалась в том, что из-за пережитого предательства Наталье как-то не льстило любоваться чужим упоительным счастьем? Вероятно, так уж эгоистично устроен человек, что когда ему плохо, то оттого, что кому-то хорошо, ему делается еще хуже.

«Кстати, интересно, а почему у такого мужчины нет жены? – непроизвольно подумалось пострадавшей, – неужто ушла, не выдержав левака мужа? Или сама любила гулянуть?»

В связи с последними событиями Наталью словно переключило: она всех и вся подозревала в прелюбодеянии. Естественно, в слух ничего такого излагать женщина не стала, вместо этого скромно согласилась на предложенный бульон, и так же скромно откушав, отблагодарила гостеприимных хозяев за хлеб-соль и кров. После чего ее стало непреодолимо клонить в сон, словно до этого она не спала дня три, и вскоре жертва измены и аварии провалилась в полное забы-

тие.

Проснулась Натали... или теперь скорее уж Наташа, внезапно – словно вынырнула из глубокого, темного дна. Понадобилось несколько секунд для того, чтоб свыкнуться с реальностью (сперва женщине сдавалось, что вся эта кутерьма с аварией и прочими последствиями ей просто пригрезилась), но когда сознание полностью пришло в порядок, она поняла, в какую передрыгу влипла. Вчера (или когда это было?) Наташа как-то не успела осознать всей неприглядности возникшего положения, а тут вдруг моментально прозрела. И ей сделалось тошно. Еще бы: она, вся такая бедная и несчастная, потеряла машину, и все свои, можно сказать, последние ценности, находившиеся там, да еще и изрядно покалечилась, и вот тепереча вынуждена находится в этой... дыре, на попечении двух чудаков, у которых не пойми что в голове. Может, это они только с виду все такие разлюбезные, а на самом деле – маньяки какие-нибудь? Откормят ее, и пустят на органы.

– Так, надо срочно что-то делать, – засуетилась Наталья, хотя понятия не имела – что именно.

Для начала она решила выбраться из своего лежбища, и сходить, что называется, в разведку.

Сказано – сделано: свесив босые ноги с кровати, Наташа осторожно ступила на обычный древесный пол, устланный двумя жорсткими светлыми дорожками из натуральной шерсти, и попыталась встать. Голова немного «поплыла», а за-

бинтованная лодыжка отдавала коликами куда-то аж в бедро, но в целом она чувствовала себя довольно сносно, по крайней мере, передвигаться сможет. На всякий случай женщина в который раз хорошенечко осмотрела комнату, выделенную ей под временное убежище, и в который раз убедилась, что ее дизайном занимался человек, наверняка обожавший сельский быт. Скорее всего, это и есть самое настоящее, глухое село, ибо в поселках более продвинутого типа подобные избы давно уж перевелись. Деревянные стены увешаны самоткаными рушниками и всякими расписными рукодельными штуками типа соломенных панно и глиняных тарелок, мебель (две кровати, стол – стулья, шкаф) сколочены из грубого дерева, белье и прочие принадлежности личного пользования – так и кричат о своей натуральности и старомодности, короче, не дом, а чистый вам терем-теремок из народных сказок. Хотя, за весь дом говорить рановато, покуда осмотреть его полностью Наташе доселе не приходилось. А не помешало бы, во-первых, из банального любопытства, а во-вторых, стоит разузнать, куда ее занесла нелегкая.

«Что же, надеюсь, меня не заругают, застав врасплох за прогулкой по дому», – мысленно прикинула Наталья, подошла к двери, и стала потихоньку ее открывать. За дверью оказался небольшой, довольно длинный коридорчик, по правую и левую стороны которого обнаружилось еще по две двери, точно так же, как и прямо. Колеблясь с выбором, Наташа, методом тыка, отворила первую дверь с лева – и попала

прямоком в почти аналогичное тому, откуда только что вышла помещение. Только размерами чуть покрупнее, и вместо кроватей там находились большой, во всю стену диван, скорее даже не диван, а топчан, да стенка. Естественно самодельные, так сказать из натурпродукта.

«Наверняка гостиная», – решила женщина, и последовала дальше – во вторую дверь. За ней оказалась кухня, совсем крохотная, с настоящей русской печкой, на которых спали по 30 лет все известные сказочные богатыри, и минимумом утвари, в большинстве традиционно деревянной.

Направо все было гораздо банальнее и прозаичнее: кладовая и туалет. На удивление и там, и там, все было обставлено опять же по-деревенски старомодно, простенько, и "натурально". Стыдно сказать, даже унитаз (точнее – некое его подобие) был деревянным. Ни ванной, ни душевой не наблюдалось вообще, оставалось только догадываться – где и как здесь можно помыться.

Примечательным являлся и тот факт, что вся эта деревянная прелесть в доме не была ни покрашена, ни лакированная, ни обработана каким-либо другим механическим способом. Это навевало подозрения о весьма... специфических вкусах хозяев дома, а точнее его главным хозяине – Владимире, или как там его. Может, он ярый фанатик природы, из тех, которые не признают «штучных» вещей? Или просто настолько оторван от жизни, что и не ведает, что прогресс давно пошел вперед, и мебель, посуду и даже унитаз давно можно приоб-

рести в магазине, и не обязательно все это строгать самому?

Как бы там ни было, Наталью сия дилемма волновала не столь сильно. Гораздо сильнее, как уже упоминалось выше, ее волновала собственная судьба с учетом возникших обстоятельств. Ну, отлежится она тут недельку-другую, а дальше что? Пока на горизонте маячило лишь два варианта возможного развития событий, и оба сомнительные. Возвращаться к гаду Борису с его замашками? Нет уж, увольте! К родителям, обратно в нищету и безнадегу? Но примут ли они ее после того, как она, грубо говоря, отреклась от них? Эх, а может, лучше б ей было вообще не выживать в той аварии?! Взорвалась бы себе вместе с машиной на тысячи мелких кусочков – и никаких тебе забот о будущем.

Меньше с тем, Наташа не успела как следует развить сию мрачную мысль о "спасительной" кончине, так как вдруг ее взгляд упал на довольно внушительных размеров зеркало, висящее на стене в туалете (скорее всего – единственное зеркало в доме, по крайней мере, других зеркал что-то нигде не наблюдалось). И то, что она там узрела, буквально повергло молодую женщину в легкий шок, который мигом выветрил из ее головы все остальные мысли и чувства. Оттуда, из страны Зазеркалья, на Наталью смотрело некое существо с опухшей бледной физиономией, вороньим гнездом вместо волос на голове и в какой-то тряпке, вместо дорогого платья.

– Матерь Божья! – вырвалось у Натальи. – Что это?! Кто это?! Неужели я?! – Словно пытаюсь убедиться, не видение

ли это, женщина принялась неистово мять себя за щеки, но лицо от сих манипуляций никуда не делось, и не преобразилось прекрасным образом. – Блин, и тот мужик видел меня ТАКОЙ!!!

С тех пор как Наташа стала госпожой Борзовой, и зажила "новой" жизнью, она никогда – ни – ко – гда! – не позволяла себе появляться на людях, а перед мужчинами уж тем более в подобном виде. Ей казалось очень... постыдным – быть неухоженной, ущербной хоть в чем то, касающегося внешности, короче – быть некрасивой. И тут нате вам: от ее красоты не осталось ни следа. Конечно же, и от природы Наташе достались отличные данные, но даже такой бриллиант требует «огранки» в виде хорошей косметики и одежды, а у не сейчас ни того, ни другого – все сгорело к чертям собачим вместе с автомобилем.

Кстати, о чертях: в аварию то она попала именно из-за оборотня. А кто же еще, коль не оборотень, перерезал тогда Наталье путь, весь такой лохматый и страшный? А потом еще завывал злорадно, когда она в дерево вцепилась? А ведь именно та чертова гадалка ей все это напороочила: и платье красное, и волка. Только не упомянула, что он – оборотень. Ибо обычные волки ТАК не воют.

И тут, словно согласно пословице о промолвке, где-то за стеной, во дворе, раздался жуткий вой – точь-в-точь, как тот, оборотневский. Наталья взвизгнула, подскочила, и бросилась вон из туалета. Она неслась, сама не понимая куда,

не разбирая дороги, и продолжала визжать, словно недорезанная свинка. Пока со всего маху не впечаталась во что-то крепкое и твердое.

– Что случилось, что с вами? – спросило «крепкое и твердое» человеческим голосом – голосом Владимира. – Куда и почему вы так несетесь на всех парах?

Трепещущая Наташа несмело подняла глаза, и обнаружила себя в объятиях хозяина дома – оказалось, она врезалась именно в него.

– Э-э-э... Я это... того... – заблела Наталья, растерявшись. – А что это такое было?

– Где? – не понял хозяин.

– Ну, только что, выло. Там, за стеной, – кивнула она головой, указывая направление.

Владимир слегка усмехнулся:

– Ах, это. Это мой Мальчик. Именно он вас и спас, помните, я вам вчера говорил?

– Ваш... мальчик? – у Наташи брови полезли на лоб. – А почему он воет? Он что, болен?

– Да нет, как раз наоборот – здоров, как бык, вот и воет от переизбытка энергии. А вообще он у меня безобидный, хоть и не маленький, кусаться не станет, так что можете не беспокоиться – вас не тронет. Скорее наоборот – думаю, вы с ним подружитесь.

Наталья отпрянула от мужчины, словно от огня, и уставилась на него с недоумением, вперемишку с подозрительно-

стью.

– Извините, конечно, но все это столь... странно. И вы так спокойно об этом говорите, словно это... в порядке вещей.

– А разве нет? – в свою очередь удивился Владимир.

– Да что ж тут нормального, когда ваш сын воет от переизбытка энергии, спасибо только, что не кусается?! – нервно воскликнула девушка.

– Мой кто?! – переспросил изумленно хозяин дома, и вдруг взорвался от приступа дикого хохота.

– Что тут смешного? – оскорбилась Наташа.

– Ой, не могу, – сквозь смех прокряхтел Владимир. – Вы подумали... вы решили... что это мой сын воет?! Мой сын?!?! Вы что – совсем того...

Наталья слегка растерялась.

– Но вы же сами сказали – «мой мальчик», – пробормотала она неуверенно.

– Мальчик – это мой пес, собака, кличка у него такая, – хмыкнул мужчина, утирая кулаком слезы, выступившие от смеха.

– Собака? Кличка? – Наташа почувствовала себя полной кретинкой, она готова была провалиться сквозь землю от неловкости. – Господи, я не... Я не хотела никого обидеть, просто... Бога ради, простите, я... – залепетала она невнятно.

– Да ладно вам, бывает, ничего страшного, – снисходительно простил ее бестактность великодушный хозяин до-

ма. – Считайте, что я ничего не слышал, а вы ничего не говорили. Лучше расскажите, как вы себя чувствуете. Зачем вы вообще встали с постели?

– Я... я в туалет захотела. А еще пить. И вообще... Кстати, а где у вас тут можно умыться, и привести себя в порядок? – решила поменять тему Наталья, тем более, что сей вопрос действительно ее интересовал.

– Ну, если хотите умыться только лицо и руки – то я могу принести воды из колодца, и полить вам, а если захотите искупаться полностью – то тогда только к бабе Вере придется обращаться, у нее для этого все приспособления имеются, то есть ванная, душ, и все такое, – отвечивал Владимир уже спокойно. – У нас же в наличии только банька, но вам с вашим сотрясением банька пока противопоказана.

– Ну да, – протянула впечатленная допотопным бытом спасителя Наташа. – Банька – это не по мне. Мне бы горячую ванную, – мечтательно произнесла она.

– Тогда только к баб-Вере, хотя даже ванну горячую я бы вам не рекомендовал. Лучше теплую.

«Ишь ты, какой заботливый отыскался», – почему-то рассердилась девушка от столь чрезмерной обходительности старомодного дядьки. Разумеется, высказывать свои претензии вслух она не стала, вместо этого лишь уточнила – где именно можно найти ту самую «баб-Веру».

– Так она по соседству с нами обитает, прямо через забор, – подсказал «дядька» услужливо.

– Тогда не соизволите ли вы проводить меня к ней, ежели это не предоставит лишних хлопот ни вам, ни ей? – пропела Наталья демонстративно-вежливым голоском.

– Ну-у-у, – Владимир неуверенно насупился, – вообще-то сейчас уже почти ночь, и...

Наталья встрепелась:

– Как ночь?! Почему ночь?! Какой сегодня вообще день, то есть число?

– Так пятнадцатое.

– Пятнадцатое?! – еще больше обалдела Наташа. – Пятнадцатое апреля?! Так я же уехала из... короче – ехала по дороге, и стукнулась в дерево двенадцатого ночью, или, вернее будет сказать – с 12 на 13, не суть важно. Так или иначе, куда делись два дня из моей жизни и памяти?! – запаниковала она не на шутку.

– Никуда не делись, просто вы все это время проспали сном забытия, – просветил гостью Владимир. – Очевидно, ваш организм таким образом восстанавливался, это вполне нормальное явление после подобной травмы.

– Вы думаете? Что ж, вполне логично, – согласилась женщина, немного успокаиваясь. – А когда мы познакомились, и вы кормили меня своим куриным супом, это какой день был? – уяснила она на всякий случай.

– Сегодняшний, но утро. А потом вы опять уснули, и вот – проснулись только сейчас, к ночи. Я не предполагал, что так будет, думал, вы проспите до завтра, вот и отошел нена-

долго. Простите, что оставил вас одну, – галантно извинился хозяин дома, чем доставил Наташе истинное удовольствие: как ни крути, а приятно, черт подери, когда мужики возле тебя упадают. И не суть важно, по какому поводу.

– Да пустое, вы и так много для меня сделали, – отплатила ему той же монетой Наталья. – Кстати, а где я вообще нахожусь? То есть, что это за... поселок, а я так понимаю, что это поселок, или нечто вроде того?

Владимир неопределенно передернул плечами.

– Ну, можно и так сказать. Хотя, здесь у нас скорее селение – своеобразный прототип хутора для людей, искренне любящих и уважающих природу, и не выносящих суеты пыльных городов, – с чувством произнес он, тем самым лишь подтверждая Наташины подозрения по данному поводу.

– И как оно называется, ваше селение? И где вообще находится? – продолжала допытываться та.

Мужчина иронически усмехнулся:

– Вам дать точные координаты?

– Зачем же, достаточно будет знать, насколько далеко от Москвы.

– Опять же точно сказать не возьмусь, но около тысячи километров будет однозначно.

– Ни фиги себе! – вырвалось у Натальи, она осеклась, и тут же исправилась: – Извините, просто я не думала, что попала в такую... – она снова чуть не ляпнула глупость, на языке так и вертелось слово «глушь», девушка еле вовремя сдер-

жалась, заменив его на более щадящий термин: – в такую даль... А каковы масштабы этого вашего селения-то хоть? Какова численность жителей? Тут вообще есть все необходимое для нормальной жизни, ну, там супермаркеты, клубы всякие, медицинские центры, хоть какой-никакой завалявшийся салон красоты?

До сих пор излучающий любезность хозяин дома мигом переменился в лице – посуровел, а во взгляде появилась очевидная недоброжелательность.

– Салоны, говорите? Супермаркеты? Уважаемая, вы хоть когда-нибудь бывали в деревне? В настоящей, русской, что называется старого образца?

– Ну, случалось вообще-то, в детстве, на каникулах, меня к бабке отправляли...

– И много вы там супермаркетов с салонами встречали? – саркастически спросил Владимир.

– Ну, не то чтобы... – неуверенно проблеяла Наташа. – Но когда ж это было – сто лет назад, с тех пор многое могло (и должно) было измениться. Прогресс ведь не стоит на месте.

– Возможно, но до некоторых мест он, к счастью, добраться так и не сумел.

– Почему это – к счастью? – удивилась Наташа.

– Да потому, что не всем нравится жить среди маркетов и салонов, иногда девственная природа и ее дары куда важнее и приятнее всех благ цивилизации, – пылко заявил любитель флоры-фауны. – Хотя вам, заложникам мегаполисов,

увы, этого не понять.

– Это еще вопрос, кто чей заложник, – не осталась в долгу Наталья. – По-моему, жизнь в нормальных, человеческих условиях, не идет ни в какое сравнение, с существованием среди полного запустения, избитых дорог, довоенных условий, с курами, гусями, свиньями, и прочей живностью в придачу.

– Лучше уж с гусями и свиньями, чем с людьми, которые сами ничуть не лучше свиней, – категорически парировал мужчина.

– Чего? Это вы на кого намекаете? – взъерепенилась гостья, забыв обо всех правилах приличия.

– Я ни на кого не намекаю. Я просто хочу сказать, что будь я по-другому воспитан, вы бы уже наслаждались всеми прелестями своей хваленной цивилизации, – нагло указал Наташе на место типчик с характером.

Наталья буквально захлестнулась собственным негодованием.

– Ах, так! Да вы... Да я... Не будь я в столь затруднительных обстоятельствах, сама давно бы уже избавила вас от своего тягостного присутствия.

– Да Бога ради, мне не в ущерб заботится о вас, – фыркнул Владимир с явным сарказмом.

– Ну и на здоровье! Это ваша обязанность как человека, и как настоящего мужчины, в случае, если вы таковым являетесь, разумеется, – не осталась в долгу девушка. – Так что не

ждите слез благодарности и бросаний к ногам.

— Чего я жду, так это только когда вы окончательно поправитесь, — все с тем же подначиванием произнес хозяин дома.

— И вам не хворать, — нарочито любезно пробормотала Наташа, хотя это и прозвучало с такой интонацией, словно она хотела пожелать ему провалиться сквозь землю.

После чего, полная праведного гнева на этого неотесанного мужлана, на свое положение, на Борьку-предателя, и судьбу в целом, поспешно удалилась в вверенную ей комнату, и завалилась обратно в примитивную кровать. Привести свою потрепанную внешность в порядок в тот день ей так и не удалось.

На следующее утро Наталья ощутила острый приступ неловкости из-за вчерашней стычки с хозяином дома. Поскольку как ни крути, а он спас ее от верной гибели, приютил у себя, еще и позволил остаться до полного выздоровления, а она в ответную накинулась на него с упреками. Не то, чтобы женщину мучили укоры совести, скорее прагматичный расчет: не стоит заедаться с тем, кто протягивает тебе руку помощи, а то он может передумать, и эту самую руку убрать. И тогда выкарабкивайтесь-ка, любезная, сами. С другой стороны этот хлыщ тоже хорош, наехал на нее ни с того, ни с сего, жизни учить вздумал! Ну нравиться ему прозябать в забитой глуши, среди кур и коз — дак и на здоровье, но ее-

то, Наташу, агитировать в свою "веру" за каким? Дураку же ясно, что подобная жизнь однозначно не для нее, и при первой-лучшей возможности она свалит отсюда, куда... А куда, собственно, ей «валить» то? Этот вопрос доселе оставался для несчастной нерешаемой дилеммой. Хотя на данный момент более насущными потребностями Натальи были помыться и покушать: в животе, прилипшему к позвоночнику, требовательно урчало и булькало. Что и не удивительно: за последних три дня она ела только раз, и то абы как.

«Так, что там говорил этот беспардонный тип насчет ванной? – припоминала Наташа, выбравшись на свет Божий из уже поднадоевшей кровати. – Она имеется только у соседки бабы Веры? Значит, надо навеститься в гости к этой бабе Вере, надеюсь, она меня не пошлет куда подальше. Кстати, а где это сами мужчины, опять ведь никого не видно и не слышно, что малого, что старого».

Может, на счет «старого» Наталья палку и перегнула, но это скорее от давешней обиды. На самом деле Владимир был далеко не стариком, и даже на сороковку, как ей показалось сначала, не тянул, максимум не больше тридцати пяти. Просто простецкие одежды, которые он носил, сильно прибавляли ему возраста, да и вообще не красили. Между тем на поверку хозяин дома оказался довольно-таки симпатичным мужчиной, вчера, при ближайшем... разговоре, Наташе исподтишка удалось рассмотреть его как следует, и убедиться в этом воочию. Среднего роста, плечист но не чересчур (то бишь

не пресловутый «шкаф»), с сильными, одновременно и натруженными, и ухоженными руками. На лицо не по-деревенски утончен, с так называемыми аристократическими чертами, и очень проницательным взглядом ясных очей, в которых читалось нечто такое... То ли умудренность, то ли большой жизненный опыт, то ли все вместе взятое. Прически под вечной ушанкой толком разглядеть не удавалось, но по выбившимся из-под шапки прядям можно было предположить, что он русый, чуть темнее ее самой, натуральной. Кстати, о волосах: пора наконец привести в божеский вид то жуткое воронье гнездо на голове, да и всю себя цаликом, а то еще немного, и она сама начнет пугаться собственной тени, что уж тут говорить об остальных. И хотя, по большому счету, здесь красоваться не перед кем, это не значит, что в таком случае можно ходить лахудрой? Короче, надо срочно искать бабу Веру!

Собственно, этим Наталья и занялась. Покинув сперва комнату, а потом и дом, она очутилась во дворе, где ее чуть не хватил удар. Когда Владимир говорил о «хуторе», он явно не преувеличивал, о чем кричаще свидетельствовал окружающий пейзаж. Нет, сам двор мужчин – большого и маленького – выглядел достаточно ухоженным, то есть здесь не наблюдалось присущего сельской местности месива под ногами, а лежал аккуратный асфальт, довольно необычный к слову, из больших, круглых, гладких камней, уставленных подобно плиточному узору. Так же двор не являлся хаотично

заросшим сорняками, хотя, в принципе, в апреле еще тяжело об этом судить, но даже по пока что голым, торчащим из земли сучьям, можно было сделать вывод, что они посажены не как попало, а с умом и со вкусом. Не виднелось в пределах двора и упомянутых вчера кур, гусей, и прочей живности, как и так сказать продуктов отхода от них. Одним словом, территория «усадыбы» смотрелась очень даже прилично. Но вот все то, что просматривалось за ее границами, навевало сумбурные мысли о безлюдном острове. Конечно, какие-то люди в этой глуши наверняка жили, но вот как? В каких условиях? Кругом, куда только можно было оком кинуть, это самое око «тешили» сплошные дебри, горки-ямки, лужи, и тому подобная «прелесть». И только кое-где среди всей этой красоты просматривались убогие, абсолютно идентичные домики, больше подходящие для хранения всякого барахла, нежели для обитания. И лишь деревянный «терем» Владимира выгодно отличался от всех этих сиамих близнецов своей оригинальностью а также размерами. Ровно как и соседняя с ним «фазенда»: та вообще была... каменно-глиняной, под соломенной крышей, и напоминала скорее не дом, а сказочный гриб-великан. Наталья полагала, что подобные чудеса света давно канули в небытие, ан нет, оказывается, существуют еще на земле эдакие дива дивные, чуда чудные. И уникамы, способные жить в ЭТОМ. С другой стороны, если бабе Вере каких лет всемест, тогда ей уж должно быть абсолютно фиолетово, как доживать последние

годы – в любом случае помирать скоро. Одно только любопытно: где среди всего этого великолепия у бабки отыщется ванная?

«Вот сейчас и узнаем», – решила Наташа, и твердой поступью направилась к «грибу-великану».

Постучав в низкую деревянную, облупившуюся дверь, Наталья приготовилась к томительному ожиданию, и немного удивилась, когда ей отворили почти сразу. Это сделала невысокая плотная женщина с приятным круглым лицом и веселыми, слегка хитроватыми глазами-щелочками, как несложно догадаться – та самая баба Вера. На вид ей можно было дать... В принципе, Наташа никогда не умела угадывать возраст людей, переваливших рубеж старости, все после пятидесяти казались ей одинаково древними и пропащими, посему точный возраст бабы Веры она назвать не взялась бы. Тем более, что добродушное лицо женщины лучилось такой жизнью, что даже густая сетка морщин ничуть ее не портила.

«Наверняка, только-только перевалила шестидесятилетний летный рубеж», – все же попыталась сделать выводы некомпетентная в вопросах возраста Наташа. О том, что в шестесят «жизнь только начинается» она то ли не слышала, то ли скорее не верила в подобное.

– Здрастуйте, вы, напевнэ, та сама дивчина, яку Володя выручил? – радушно произнесла тем временем баба Вера с заметным украинским акцентом.

– Та самая, – улыбнулась Наталья в ответ. – Вот, Влади-

мир говорил, что у вас можно помыться? А то я уж совсем... поистрепалась.

– А то, а то, – подтвердила баба Вера ни то факт наличия места, где можно искупаться, ни то факт Наташиного непотребного вида. – Та вы ступайте в дом, ступайте, я зараз все вам покажу.

– Спасибо большое, – заранее поблагодарила женщину Наташа, следуя за ней вовнутрь «гриба».

К ее большому изумлению, внутри оказалось очень мило, уютно и чисто, хоть и старомодно, да по негласной "традиции" обустроено с полным уклоном в «натуральность». «Видимо, ей тоже мебель Владимир делал, – пришла к заключению Наталья. – Или это им обоим делал кто-то посторонний, под заказ. А может, здесь все так привыкли жить? Собралась громада фанатов природы, и балдеют себе потихоньку от единения с ней».

Пока она ломала голову над сим фактом, баба Вера успела провести гостью в ванную, и показать, что к чему.

– Ось, всё к вашим услугам, – припрашивала радушная женщина. – Конечно, нэ отель, уж звывняйте, но естественни потребности справыты можно запросто.

– Спасибо, у вас все очень... мило, – решила Наталья сделать старушке комплимент.

– Ну, тогда с легким паром! – напутствовала ее бабка, после чего удалилась, предоставив ванную комнату в полное Натшино распоряжение.

Оказавшись одна, та, не оттягивая время, с нетерпением погрузилась в простецкую чугунную ванну, которая в данный момент показалась девушке лучше всяких там саун, джакузи, и прочих излишеств. Измученное, жаждущее воды тело блаженно расслабилось от теплой воды, и по нему волной пробежала приятнейшая истома. Если б еще несколько дней назад кто-то сказал ей, что она сможет получить ТАКОЕ удовольствие от пребывания в допотопной, чугунной ванне, Наталья рассмеялась бы ему в лицо, и вот нате вам: теперь она нежится в этом несурзном диве довоенных годов, и чувствует себя великолепно. Правда это легко объяснялось нехваткой водных процедур за последнее время, при другом раскладе она ни за что не стала бы унижаться до подобной... процедуры. И все же сейчас Наташе было хорошо, как никогда.

Вдоволь отмокнув, молодая женщина наконец заставила себя вылезти из воды, хорошенько вытерлась свежим на вид и запах полотенцем, и... ее отличное настроение сразу улетучилось, уступив место удрученному. Раньше, приняв ванну, Наталья еще добрых полчаса уделала всяким приятным и полезным косметическим процедурам как-то втиранию в кожу тела и лица разных масел, кремов, нанесению на волосы разнообразия пенки, эмульсий, сывороток, и прочее, прочее, прочее. А тут даже хоть какого-то заваливавшегося крема для лица не сыщешь, не говоря уже об остальном. И мыться довелось дрянным вонючим брусковым мылом, в том числе и

голову, как бы не облысеть после подобных экзекуций. Полная негодования, Наташа подошла к запотевшему настенному зеркалу размером с добротный арбуз, утерла пар полотенцем, и критически уставилась на свое отражение. Конечно, как уже неоднократно упоминалось, внешностью Наталью природа не обидела, тем ни менее разгуливать на людях так сказать в естественном виде она не любила. Ей казалось это неприличным, что-ли, и вообще, она чувствовала себя в таком случаи будто голой, незащищенной от придиричивых, оценивающих взглядов окружающих, так и ищущих у тебя изъян за который можно упрекнуть. Одним словом без соответствующего "марафета" девушка чувствовала себя уязвимой. А уязвимой Наташа быть не любила. Но, увы, придется некоторое время потерпеть.

Наталя еще раз внимательно взгляделась в собственное отображение в зеркале. Как ни странно, после дрянного мыла кожа сияла свежестью, а волосы на ощупь казались мягкими и легкими. Жаль, фена нет, придется ждать, пока сами высохнут. Хотя это еще полбеды, вот когда тонировка начнет сходить – тогда уж точно полная катастрофа.

Свой естественный, русый цвет Наташа всегда терпеть не могла считая его самым неприглядным из всех возможных цветов, существующих в природе, а посему постоянно то-нировала волосы в золотисто-блондинистый оттенок. Плюсом такого метода окрашивания был эффект натуральности и абсолютная безвредность, но минус заключался в том, что

краска быстро сходила, и тонировку приходилось обновлять чуть ли не каждую неделю. А где здесь, в этой Богом забытой дыре, найти салон для данной процедуры?... Эх, куда ни кинь – везде клин.

В совершенно расстроенных чувствах Наташа, завернутая в предоставленный ей бабой Верой ветхий халат в клетку, вышла из ванной, и побрела искать ту самую бабу Веру. Обнаружила она ее на кухне, старушка сидела за столом вместе с сыном Владимира Тимофеем, и разливала нечто из глиняного кувшина по деревянным кружкам. Завидев Наталью, женщина радостно приветствовала ее:

– О, а ты как раз вовремя, мы з Тымком самэ собиралися завтракать. Присидай до нас, ты ж навэрняка голодная, и не прочь подкрепиться.

Наташа засомневалась: с одной стороны, ей очень хотелось кушать, но с другой – сможет ли она есть то, чем ее станут кормить в этом доме-«грибе»? И все же рискнуть стоило, ибо голод, как известно, не тетка, и даже не сводная сестра.

– Что ж, пожалуй, я с удовольствием, – согласилась Наталья, и осторожно присела на краешек свободного стула, яшень пень деревянного. – Тимофей, а ты часто здесь бываешь? – обратилась она к мальчишке, чтоб не играть в молчанку. – И где твой папа? Когда не проснись, вас все дома нету, я одна. Неосмотрительно так оставлять дом без присмотра, – не сдержалась от замечания.

– Так шо ж у них красть-то, – ответила вместо паренька

баба Вера. – Тут ни в кого нэма шо красть. Ни брыльянтов, ни золота не держымо. В селе все свои, и у всех все одынаковэ, зариться нема на шо. Тай не таки у нас людэ, шоб посягать на чужое.

– Тобишь вы хотите сказать, что здесь все всем доверяют, и никто не запирает двери на замок?! – не поверила Наташа.

– А то, – одобрительно кивнула баба Вера, и сунула девушке под нос кружку с чем-то белым.

– Это что? – с подозрением осведомилась Наталья, недоверчиво вглядываясь в жидкость.

– Так молоко козячэе, – «обрадовала» ее женщина, и стала припрашивать: – Ты пей, пей, молоко добрэ, свеженьке, шойно с под козы.

Наталья еле сдержалась, дабы брезгливо не скривиться.

– Спасибо, но я как-то молоко не очень...

– Та ты шо, знаэш, якэ воно полезнэ! – не отставала баба Вера. – А смачное – не оторваться!

– Да я верю, верю, просто... У меня организм молоко не принимает, – выкрутилась Наташа. – сразу так скручивает, что свет не мил.

– А, ну то бувае, бувае, – «повелась» бабка. – Тоды я тебе налью киселя, малинового, сама робыла, все натуральнэ и, як говоритсья, без ГМО, – засмеялась женщина, подмигивая.

На кисель Наталья согласилась, но когда к киселю ей предложили оладьи со сметаной, она снова испугалась.

– Извините, но я не ем такую тяжелую пищу, от нее фигура портиться, – отказалась она.

Баба Вера всплеснула руками.

– Во комедия, фигура портыться! Да на шо она сдалася, та фигура, когда жизнь не в радость? А яка радость от жизни можэ быть, когда и покушаты по-человечески не можна?

– Зато красота не испортится, – парировала Наташа.

– Боженьку мылый, а шо толку с той красоты?

– Ну, чтоб нравиться мужчинам, да и не только, необходимо всегда быть в форме, – озвучила прописную истину Наталья, потягивая вязкий, и, надо отдать должное хозяйке – неимоверно вкуснящий кисель.

– Мужчинам, – передразнила ее баба Вера, правда по-доброму. – А чы стоят того эти мужчины? Можэ, я и старая уже, дурная, ничего не понимаю в теперешних нравах молодежи, но я в свое врэмя тожэ немало чого пережила-перевидала, и шось тай в этой жизни знаю. И от шо я тебе, красавица, скажу: якшо мужык – нормальный, справжний, то он будэ любить тэбэ не глядя на все твои недостатки. Якшо ж он ни рыба, ни мясо, одна видимость, то тут хоть лбом о стенку разбейся шоб стать королевой красоты – однаково в гречку стрыбаты будет и на других баб заглядываться. А все потому, шо настоящего мужика подле бабы держит настоящая любов, а настоящая любов не зависит от длинны ног, размера бюста, али лишнних килограммов. Конечно то не означает, шо трэба полностью плювать на себя, и превращаться в клу-

шу в бигуди и засаленном халате, но и трястися над каждым граммом, морщиной, или прыщиком глупо и бессмысленно.

Слегка отдающая пафосом речь баба Веры на миг заставила Наталью задуматься над смыслом ее слов. Действительно, не исключено в них есть некая доля истины? Вот взять хотябы Наташину ситуацию. Она все годы замужества усердно «работала над собой», не вылезала из салонов красоты, мучила себя строгими диетами, а Борис все равно «стрывал в гречку», и, скорее всего не единожды. Так стояла ли, как говорится, игра свеч?

– От я в свое время понятия не мала, шо такое диеты эти ваши, пиллинги, лифтинги, макияжи-визажи, – продолжала тем временем баба Вера, удивляя Наташу своими познаниями в области достижений современной косметологии. – И шо? Не вмерла же. И даже замуж вышла удачно, и мужа мне Бог даровал такого, шо многим и не снилося. И заботливый, и верный, и работающий, но главное любил мэнэ так, шо я порой сама не верила своему счастью. И я його любила, и никакие глупости на подобу лишних килограммов нам в этом не мешали. А все потому, шо любовь, истинная, это шось гораздо больше... физиологии, – завершила она с неким вызовом.

Наталье только и оставалось, что молча поражаться этому драматическому «выступлению». С одной стороны баба Вера, казалось бы, говорила банальные, избитые вещи, вроде как давно устаревшие, но с другой стороны... Почему-то они затрагивали за живое. Причем больше, чем Наташа мог-

ла предположить или допустить. И от этого ей сделалось как-то не по себе и немножко грустно. Потому, дабы разогнать некстати нахлынувшие эмоции, она решила «переключить» старушку на другую тему.

– Скажите, пожалуйста, а давно вы здесь живете?

– Так всю жизнью, поди, все 79 лет уже, – с некой гордостью ответствовала баба Вера.

«Значит, ей 79? Солидно», – подумала Наташа, но вслух произнесла другое.

– Но как же так? Если вы родились и выросли в России, почему же тогда вы разговариваете с таким сильным украинским уклоном? – не находила она связи.

– Так то ж батьки мои украинцами чистой воды были, чы точнее сказать – крови, просто так распорядылась судьба, что их занесло в эти края, тут они и остались. Но воспитывали меня в духе родных традиций, учылы любить родну мову, вот я и выросла наполовину москалькой, наполовину хохолкой, – усмехнулась старушка.

– А этот поселок ваш, он всегда был таким... необжитым?

– Да ты шо, колысь знаешь яка то булла деревня большая и богатая, сколько народу тут обытало, яка жизнь кипела! Но... – бабка разочаровано развела руками, – со временем все помалу стали перебираться в разные города – в поисках лучшей доли, особенно скушно стало молодежи... В итоге остались только самые прожженные и верные своей земле. В основном таки ж старыкы, як и я.

– А Владимир? Он ведь еще такой молодой мужчина, тем более – с маленьким сыном, его то что здесь держит? – не удержалась от дано мучавшего ее вопроса Наташа. – Вы не подумайте, я не имею ничего против вашего поселка, так вы же сами сказали, что вся молодежь отсюда сбегает, и как-то немного странно...

– Та я поняла, поняла. И в какой-то мере навить с тобой согласная, – не стала обижаться за «поруганную честь» села женщина. – В тому, шо со стороны это выглядит немного дивно. Просто... у Володи есть на то сурьезные причины, – уклончиво ушла она от подробностей, по всему было видно, что «колоться» баба Вера ни за что не станет.

И это только разожгло Наташино любопытство. «Здесь однозначно пахивает некой тайной, – мигом решила она. – Ну не может нормальный, молодой мужчина просто так, ни с того, ни с сего, бросить цивилизацию, и слинять в пропащие дебри, тут должна быть какая-то более весомая причина нежели примитивная тяга к единению с природой. Да еще и мальчишка этот... ему же надо где-то учиться, с кем-то дружить, и вообще. А то он так совсем одичает в этой глухомани. К тому же отсутствие жены, да хоть какой-либо женщины в доме тоже весьма настораживает. Разве может молодой, здоровый мужик без бабы? Короче, тут явно что-то... не то, – пришла к заключительному выводу Наталья».

Осталось только разузнать – что именно. Только вот как это выяснить, когда все таинственно отмалчиваются?

– Вера... простите, как вас по отчеству? – Она решила зайти издалека.

– Ой, та якэ там отчество, – отмахнулась старушка, – кликай меня просто баба Вера, як все.

– Окей... то есть, хорошо. Так вот, баб-Вер, и все-таки как вы все живете в этом... поселке вашем, когда вокруг такая... отрешенность? Нет, природа это, конечно, хорошо, но надо же на что-то жить, что-то есть-пить. А если не дай Бог кто заболест, или еще какая неприятность? Как тогда? – не могла никак взять в толк подобных лишений «заложница мегаполиса».

Пожилая женщина подлила еще мальчишке и себе молочка, подложила на тарелки аппетитных с виду, а уж тем более на запах румяных оладушек, кивнула Наташе, мол, может, все ж передумаешь, испробуешь, но та категорически завертела головой на знак отказа, на что баба Вера пожала плечами, мол, воля твоя, и лишь тогда ответила гостье.

– Ты, дивчино хорошая, не думай, шо у нас тут совсем уже джунгли пропащие. И работа, и поесть, и подлечиться завсегда найдется где.

– Знаит здесь все же имеются и магазины, и больницы, и тому подобные блага? – уточнила Наташа, допивая кисель.

– Так шоб прямо в нашем селенье, то нету, но буквально в не полных десяти километрах отсюда есть вполне приличный райцентр со всеми, як ты сказала благами. Так шо коли приспичит чего – запросто можно туды сгонять, – про-

светила ее старушка.

– А на чем? У вас тут имеются автомобили?

Бабка ласково усмехнулась самими уголками губ

– А то. Поди, в каждом дворе по «джипу».

– Издеваетесь? – насупилась Наталья.

– Чого ж, лошадь тоже в кой то мере транспорт.

Наташины брови взметнулись вверх.

– У вас имеются лошади?

– Та ты шо, на кой мне, старухе, лошади, до них трэба здоровье мать, и силы, а у меня ни то, ни се вжэ ни к черту. Да мне и козы Маньки хватает по горло. А лошади есть у Василича, Петровича, и Иваныча. Так шо коли надо – они без проблем помогут добраться куды следует. Разумеется, за определенное вознаграждение, – тонко намекнула баба Вера на извечную «валюту» сельских мужиков, измеряющуюся в поллитрах.

– А у Владимира есть кони? – Наташа возвратилась к интересующей ее персоне.

– Не, немає, не до лошадей ему, горемышному, – неопределенно ответствовала женщина.

– А где он все время пропадает? Когда не проснусь – его все нет дома?

– Так на работе и пропадает, у старушки вырвался вздох искреннего сочувствия. – Он в лесничестве трудиться, в том самом райцентре, до якого десять километров. Трудиться, бедолага, не покладая рук, и все ради Тymoшки.

– А в каком-то... нормальном городе, не обязательно в огромном типа Москвы, но мало ли приличных городов в России, так вот, в одном из них не проще бы было... трудиться и жить? – начала понемногу намекать на волнующую ее тему Наталья.

Баба Вера не сразу смекнула, что ответить, и явно отнюдь не потому, что НЕ ЗНАЛА, что сказать, а скорее потому, что НЕ ХОТЕЛА сболтнуть лишнего.

– Та я яюсь в чужие дела не привыкла вникать, – наконец обронила она, явно пытаясь увильнуть от прямолинейного ответа. – То его дела, и ему виднее, где и почему им лучше.

«Понятно, эта бабулька так просто не сдастся, – промелькнуло в голове у Натальи, и тут же ее осенила спасительная идея: – Точно! Надо попробовать разговорить мальчишку, он то, гляди, не станет скрытничать. Правда для этого надобно уличить момент, и остаться с ним наедине, без посторонних свидетелей».

– Окей... то есть, ладно, баб-Вер, спасибо вам за угощение, но мне, наверное, пора уже и честь знать, – решила откланяться Наташа, скорее для приличия, чем по действительной надобности.

– Йой, та якэ там угощение?! – всплеснула руками милая старушка. – Попила киселю – и думаешь этим насытитесь?! Хоть бы хлебушка к нему взяла, а то ж цуд чистый – одним киселем кормиться! Так и занемочь недолго.

– Да я не кормлюсь одним киселем, я многое чего ем, толь-

ко... диетическое, да у вас такого точно не сыщется, – поведала свою позицию Наталья немного смущенно, остерегаясь, что пожилая женщина упрекнет ее в излишней разборчивости, а то и капризности.

– Так шо ж теперь с голоду пухнуть станешь? Володя казав, шо ты тут недили на две, так цэ время надо ж шо-то кушаты, тоби здоровье поправлять надо, а не гробить, – почти по-матерински вразумила своенравную гостью баба Вера.

В этом Наталья вынуждена была с ней согласиться: в самом деле не голодать же ей все это время? А всяких там привычных деликатесов ждать неоткуда, так что, скорее всего, придется есть, что дают, выбирая из всех зол наименьшее.

– Хорошо, баб-Вер, уговорили, – сдалась она, – давайте ваши оладушки.

– И молочка? – обрадовалась старушка.

– Ой, нет, молочко я точно пить не стану – организм, – напомнила Наташа.

– Тогда, еще кисельчику?

– Да с удовольствием, – признательно улыбнулась Наталья, и налегла на оладьи. Они оказались настолько вкусными, что она не заметила, как слопала целую тарелку – штук восемь, не меньше. – Ну, все, прощай фигура, – вздохнула девушка, похлопывая себя по вздувшемуся от непередаваемой вкуснотищи животу.

– Тю, на шо та фигура... – начала баба Вера.

– Помню, помню, когда и поесть в удовольствие нельзя, –

засмеялась Наталья.

– Точно, точно, – одобрила старушка такие молниеносные перемены в настроении гостьи, и вдруг с места в карьер спросила: – Слушай, красавица, а ты вообще звидкы такая вся из себя узялася?

– В смысле? – оторопела Наталья от неожиданного «допроса», даже жевать последнюю оладью перестала..

– Ну, хто ты, шо ты, откуда родом, и все такое? Ты не подумай ничего такого, я тебя нэ допытываю, просто интересно узнаты, шо собою являеть человек, с которым так необычно свела доля.

– Та ничего особенного я собой не являю, – повела Наташа плечами, – обычная девушка с обычной судьбой.

Разумеется она слукавила, но раскрывать душу перед малознакомой, пусть и такой милейшей старушкой намерения не имела, тем более эта старушка сама не отличалась откровенность, по крайней мере по поводу Владимира и его сына.

– А звидкы ты, и шо тебя занесло в наши края? – не отставала бабулька.

– С Москвы я, а сюда я попала... правду говоря, и сама толком не пойму как, – почти искренне ответила Наташа. – Просто ехала себе... в одно место, в гости, заблудилась, попала на какую-то неведомую дорогу, а тут неожиданно мне под колеса бросилось... нечто. Большое, лохматое, с клыками, да еще и выло так жутко. – При воспоминании о «оборотне», Наталья поежилась. – Из-за него, собственно, я и по-

пала в аварию. Наверное, это волк какой-то был, у вас здесь водятся волки?

Баба Вера не успела ничего сказать, так как вдруг за окнами, во дворе раздался дикий вой, точь-в-точь вышеупомянутому, заставив и без того нервную Наташу вздрогнуть. И только спустя несколько секунд она вспомнила о Мальчике, из-за которого вчера у них с Владимиров и произошло досадное недоразумение. Теперь ей еще раз пришлось выслушивать разъяснения по сему поводу от старушки.

– Слушайте, а можно на него взглянуть? – отважилась Наталья сама не пойми с какой стати: собак, тем более больших и воющих, она всегда... побаивалась, если не сказать больше.

– Хочешь подружиться? – по-своему поняла ее просьбу баба Вера. – Шо ж, цэ дело хорошее, спасителей надо знать в лицо. В нашем случаи – в морду, – хихикнула она, и велела Наташе следовать за ней.

Той не оставалось ничего другого, как повиноваться.

Когда они гуськом, все трое, вышли на крыльцо, к ним тут же с радостным лаем бросился пес размерами с добротного теленка ровного темно-бурого оттенка. Собственно, это только всем остальным было известно что с радостным, лично же Наталье с перепугу показалось, что лай этот скорее угрожающий. И что эта громадная псина мчится по ее душу, вернее тело. Потому, следуя инстинкту самосохранения, Наташа, не долго колебаясь, бросилась бежать. Причем со стра-

ху ей не хватило смекалки просто возвратиться в дом и запереться там, вместо этого она рванула куда-то в сторону, во двор, и запетляла по нему кривыми зигзагами, напрочь позабыв о вывихнутой лодыжке и сотрясенном мозге. Пес тотчас бросился следом, наивно полагая, что с ним так играют.

– Мальчик, фу, – крикнула собаке вдогонку баба Вера, еле сдерживаясь от смеха. Другой мальчик, Тимофей, тактично себя не утруждал, и уже гоготал во все горло.

Однако кобелине никакие команды не помогали, он с энтузиазмом носился за Наташей, явно поставив себе за цель настигнуть «жертву» любой ценой. И скорее всего таки настиг бы, коль бы та самая жертва вдруг торпедой не вскарабкалась на ближайшую яблоню – почти по гладкому стволу, ну чисто тебе обезьянка. Мальчик неистово запрыгал под деревом, остервенело заливаясь лаем: вероятно еще питал надежды достать оттуда строптивую незнакомку.

– Уйди, уйди, противный, – чуть не плача взмолилась из своего «убежища» Наталья. – Баб-Вер, да уберите же вы его в конце концов!

– Ладно, ладно, будет тебе, Мальчик, оставь дивчину в покое, она и так натерпелась, – не преминула прийти на помощь старушка, пытаясь оттянуть собаку от дерева. Куда там: зверина и не думала ее слушаться.

Кто знает, чем бы кончилась вся эта заварушка, но тут вдруг не вмешался Тимофей. Он просто свистнул разочек (правда, звук получился похож скорее на неопределенный

хрип, но сути дела это не меняло), и кобель в одну секунду оставил Наталью в покое, бросившись к ногам паренька.

– Малчик, мето, – приказал собаке сын Владимира, и та понуро поплелась куда-то «в укрытие», обидевшись, что ей не позволили доиграть.

– Ну все, можэш слезаты, красавица, – обрадовала Наташу баба Вера. – Мальчик ушел в конуру и без спросу звидты не вылезеть.

– Точно? – засомневалась до икоты перепуганная Наталья.

– Та точнее не бывает, – заверила ее женщина. – Хотя зря ты так переполошилась, он же у нас хлопец мирный, в жизни никого не укусыв, просто он с виду такой грозный, а на самом деле безобидный, як кыцька. Правда, Тymoха?

Паренек кивнул на знак согласия. Вообще он был весьма немногословным, и каким-то даже замкнутым, что ли, и без особой надобности рта не раскрывал и так сказать на контакт не шел. Может, ему правда нелегко давалась речь, не так то просто глухому человеку разговаривать, пускай даже его с детства «тренировали».

– Ага, коты тоже бывают кусючими и царапучими, – проблеяла с ветки Наташа, все еще отказываясь слезать оземь. – А уж подобные церберы – и подавну. Видели, как он меня преследовал? Уж точно съесть хотел.

– Та не съесть, а поигратыся. Слезай, красавица, пока ты шэ чого соби не покаличыла.

– Да я бы рада, но вот как? – заскулила Наташа. – Тут так высоко, и веток мало – я не сумею.

– А як жэ ты тогды выскочила на дерево? Так само и слезай теперь, – посоветовала баба Вера.

– Не могу, – захныкала несчастная. – Выскочила я сюда, наверное, в состоянии эффекта, а вот слезть – ни в какую. Высоко и страшно.

Старушка озадаченно всплеснула руками.

– И шо мэни теперь с тобой робыть?! Придэться звать на помощь.

– А, может, у вас лестница где имеется? – подсказала Наталья вариант.

– Те дэсь была, но пока ее найдешь, пока притащишь... а она не маленькая, тяжелая, тащить-то даже нема кому. Ни я, ни Тымко, не осилим, боюсь. Лучше кого позвать.

– Так зовите! – Наташа от нетерпения и неудобства вся уж извелась, ко всему прочему еще и голова начала не на шутку кружиться и «гудеть», как бы, чего доброго, не свалиться с этого дерева без чувств.

– Так позвала бы, коли було б кого. Але кого в таку пору дома застанешь, – посетовала бабуська. – Тым паче из мужиков.

– Так что прикажете мне здесь до вечера сидеть?! – Наталья удрученно зашмыгала носом.

– Чого ж, зараз шось придумаем, – пообещала баба Вера. И придумала: старушка сгоняла к соседке бабе Клаве, у

которой имелось настоящее для этих краев сокровище – мобильный телефон (той внук подарил), и... вызвала с работы Владимира – иного варианта решения проблемы не нашлось. Тот примчался ровно через пол часа, которые старушка вместе с пареньком пыталась-таки всякими разными премудростями «достать» Наташу с яблони, да тщетно. Узрев свою гостью поневоле в банном халате, растрепанную, прозябшую, одновременно измученную и злую сидящей, подобно пушкинской русалке «на ветвях», выдернутый с работы Владимир сперва удивился, потом это зрелище его позабавило (что, в свою очередь, обидело Наташу), а после мужчина вознегодовал.

– Это ж надо было такое придумать, – свирепствуя то ли на слишком впечатлительную Наталью, то ли на сына с бабой Верой, которые не смогли справиться без него, и вынудили, словно Супермена, спешить на помощь, он одним махом спустил дрожащую девушку на землю, и велел ей больше «не выдумывать». Словно она просто так залезла на дерево – от нечего делать. Хотя, в такой дыре, где нет даже радио, а иных развлечений, благодаря которым можно отвлечься, занять себя, и подавно, не мудрено от скуки полезть на стенку, не говоря уже о дереве. Собственно говоря, это Наталья, вместо благодарности, в сердцах и заявила своему дважды спасителю, на что бесцеремонный мужлан велел ей вышивать крестиком или копать грядки, раз ей столь скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.